

# Любовь. Слезы. Алкоголь

Ирина Чай

# Ирина Чай

## Любовь. Слезы. Алкоголь

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=63372187](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63372187)*

*SelfPub; 2024*

### Аннотация

Мы живем в этой Вселенной, но что мы знаем о ней? Как можно объяснить, что часто люди, любящие друг друга, просто не могут быть вместе. Жизненные ли обстоятельства или наши же решения разводят нас по разным дорогам? А может, во всем виноват страх потери? Страх обрести и страх потерять – наверное, причина в этом. Мы не готовы брать от жизни всё. Мы не готовы к огромной и всеобъемлющей любви, потому что, потеряв ее, мы потеряем самих себя. Навсегда.

# Ирина Чай

## Любовь. Слезы. Алкоголь

*Когда я стану старым, я перееду куда-нибудь за город, сяду в старое кресло, разожгу старый камин, налью бокал старого вина, открою старую книгу и хочу, чтобы ты была со мной, моя старая любовь.*

### Глава 1

Тяжёлый день, наконец, подошёл к концу, и я имела полное право на время забыть о бумажной работе. Желудок урчал от голода, но покупать что-нибудь вредное и жирное в местной пирожковой я не стала. Календарь показывал тридцать первое декабря – мама точно приготовила один из своих кулинарных шедевров.

– Анна, ты решила, с кем будешь отмечать Новый год? Я сняла столик в «Сердце Амура» на одиннадцать вечера. – Давай с нами, будет весело, – сказала Инна, лениво качаясь на стуле и натягивая жвачку на палец.

– Ну, – начала я, – может, мы с тобой через пару дней выберемся, к примеру, покататься на горных лыжах? Я хочу отметить Новый год с мамой – ты же знаешь, как ей одиноко...

Закусив губу, я направила взгляд в окно. Там красиво пе-

реливались падающие снежинки, отсвечивая от большой ёлки, стоявшей на входе в торговый центр. На горных лыжах я никогда не каталась (даже не стояла на них) и очень надеялась, что Инна откажется.

Офис по продаже окон, где я работала уже целый год, располагался на пятнадцатом этаже огромного торгового центра в самом центре города. С десяти утра и до позднего вечера он буквально гудел, будучи насыщенным телефонными звонками, людьми и суматохой. Мой рабочий день заканчивался в семь.

– У тебя лицо как у ребёнка, которого лишили новогоднего подарка! Неужели ты всё ещё переживаешь из-за этого письма? – спросила меня Инна, подняв одну бровь. – Главное, что ты попыталась. И чего тебя так тянет в неизвестность?

Она покачала головой.

– Да я и не надеялась. Просто, если я ещё немного посижу на этой работе, то начну кусать людей, – с грустной улыбкой объяснила я.

– Что именно тебя смущает? – Инна скривила нос. – Деньги платят приличные, босс заезжает редко.

Встав, она начала складывать свои вещи в сумку, которую затем закинула через плечо. Инне было двадцать восемь, она носила чёрное каре, и её совершенно устраивала жизнь, которую она вела.

Мы вышли из здания и собирались разойтись в разные

стороны. Всюду смеялись, торопясь домой, люди – праздничная суматоха была в самом разгаре. Часы на большой башне пробили семь.

– Пойдём! – взмолилась Инна. – Я встречаюсь с Даней уже полгода, а ты его так и не видела!

– Позвоню, если надумаю! – крикнула я, шагая спиной вперёд.

Я шла по улице, наслаждаясь снегом и свободой на ближайшие две недели. Почему слово «одиночество» имеет удручающий смысл, думала я. Мне в свои двадцать два так хорошо одной! Возможно, это скоро изменится, хотя в двадцать два года, наверное, мало, кто хочет замуж. Все хотят сделать карьеру и какого-то самовыражения.

– Мама! – стягивая шапку, я приглаживала намагниченные волосы, которые расползлись по всему лицу и жутко щекотали.

– Анна, это ты? – мама выбежала мне навстречу такая нарядная, что я не сразу её узнала.

– Мама, ты просто потрясающе выглядишь! – сказала я не очень пылко, стараясь её не смущать.

Приготовленная ею красная рыба уже стояла на столе. Мы сели ужинать. Нашу беседу прервал жуткий монстр, всеми своими когтями вцепившийся мне в ногу.

– А-а, Шпрот! Как больно! Сейчас ты у меня получишь, мелкий...

Из-под стола пулей вылетел пушистый толстый рыжий ко-

тяра и, счастливо махая хвостом, скрылся за поворотом.

– Он целый день носится по дому, как сумасшедший. И, кстати, опять разорвал твои наушники!

– Да ладно... – я сделала понурый вид. – Сама виновата – дурная привычка оставлять их на кровати!

– Как дела на работе? – спросила мама, стягивая фартук.

– Да ничего.

– Тебе там совсем тоскливо? – мама положила голову себе на ладони. – Если бы твой отец был жив...

– Мама... – я немного смутилась: мы толком не говорили о его смерти. Вспоминали, конечно, часто, но то, что каждая из нас чувствует, держали при себе. – Нам нужны деньги.

Я улыбнулась, а мама смахнула слёзы.

– Какие планы на вечер? У нас намечается небольшой корпоратив.

– Я останусь дома, – надув губы и зевнув, я разлеглась на диване, – хотя Инна звала в клуб.

– Хватит дома сидеть! – заявила мама.

– Вот и Инна то же самое говорит, – согласилась я.

Часы показывали начало девятого. Маму ожидало такси.

– Анна, на улице холодно?

– Вовсе нет.

Мы пожелали друг другу счастливого Нового года. Мама взяла с меня слово, что я выберусь из дома – в противном случае она сама никуда не пойдёт. Я смотрела в окно на убегающую маму и думала о том, что уже прошло полтора года

со дня смерти отца. За это время она первый раз накрасилась и куда-то выбралась из вечного круга «дом-работа». Внутри немного заскребли кошки, и я отогнала печальные мысли.

Ванна без пены – что чай без конфет, поэтому в честь Нового года я со своей любимой пеной «Белая лилия» немного перестаралась, но, в итоге, довольная, лежала в тёплой воде, закрыв глаза.

Мои родители поженились за девять месяцев до моего рождения. Мама работала бухгалтером, а отец был директором небольшой фирмы по продаже строительных материалов. Полтора года назад дальнобойщик уснул за рулём и выехал на встречную – папа угодил под огромный фургон. У мамы остался кредит за дом, а я перешла на заочное отделение. На юридическом факультете мне было до чёртиков скучно, но этого хотел отец. Когда он умер, я могла бросить учёбу и много думала об этом, но в обучение было вложено столько сил и денег, что я не позволила себе сдать на полпути. На самом же деле моей страстью ещё с детского сада была сцена. На сцене и за кулисами, как мне казалось, происходила некая тайна, которую я хотела для себя понять, но была слишком робкой, чтобы попытаться.

Полтора месяца назад я наткнулась на конкурс, который проходил в Академии культуры (очень дорогое заведение!) областного центра. Разыгрывалось десять бюджетных мест на всю страну, которые были приурочены к Году театра. Заявки принимались от всех желающих – с восемнадцати до

двадцати пяти лет. Я, как помешанная, разглядывала на сайте обшитую красным деревом огромную сцену, ярко-бордовые бархатные кресла и балкон с лепниной в зрительном зале. От желания учиться там у меня перехватывало дыхание. Однако стоимость обучения была больше, чем мы с мамой зарабатывали за год. Я сетовала на то, что не было заочного отделения, но потом обругала себя за глупость: разве можно такое представить хоть на секунду, ведь актёрское мастерство – это не свод законов, который можно вызубрить на досуге! Десять мест на страну звучало, как приговор. Для конкурса нужна была песня, или танец, или постановка – в общем, на что хватит фантазии. Я никому своих песен не пела, хотя наработки были (по большей части, от нечего делать). Одну из них я доработала и отправила на конкурс.

Прошёл месяц. Ответа всё не было. Я ругала себя за то, что вообще дала себе право надеяться. Маме об этом ничего известно не было, да и говорить было особо не о чем. Инна же узнала совершенно случайно, когда я опоздала на работу, забежав на почту по пути.

Мыльные пузыри в ванне лопались уже добрых пятнадцать минут, когда в дверь протиснулся рыжий кот.

– Мыться пришёл? Эй! – я брызнула в кота пеной.–Он злобно уставился на меня и скрылся за дверью.

Я плюхнулась в кресло. Телеведущие с керамически-белыми зубами чему-то радовались на экране телевизора. Лежавший на кухонном столе телефон зазвонил. Хныкая, как

столетняя старушка, я выбралась из удобного кресла и лениво поплелась за ним.

– Да?! – сиплым голосом процедила я.

– Анна, собирайся! – Инна уже махнула бокал-другой шампанского.

– Инна, я только что выбралась из ванны, голова мокрая, лицо красное... Ну, куда я пойду?

– Туда, где темно! В клуб! Никто тебя разглядывать не будет! – настаивала она.

– Слушай, я, правда, не...

– Ничего не знаю! Одевайся, собирайся, мы заедем через двадцать минут! Я тебя старше почти на пять лет, а старших нужно слушаться! – орала Инна в трубку.

– Ну...

Короткие гудки. Если я не оденусь сама, меня оденет Инна, а такая перспектива повергала в шок. «Пойти, конечно, стоит», – думала я, обдувая волосы феном.

Мой город с населением около двухсот тысяч человек имел три парка, два городских сада, два кладбища и одну большую свалку. Не было ни галереи, ни хорошего музея, ни приличной библиотеки, поэтому люди в моём городе не смотрели в небо, не любовались на звёзды – все занимались повседневными заботами и, угрюмые, безликие, находили утешение в телевизоре. Я же смотрела телевизор, пожалуй, только в Новый год. Это навевало детские воспоминания: приятные, беззаботные, лёгкие и чересчур наивные. По мере

моего взросления Новый год стал казаться грустным праздником, потому что такого восторга, как в детстве, уже нет, но его так хочется.

Машина уже сигналила, когда я выбежала из дома. На мне было однотонное бежевое платье из плотной ткани, которое я купила на распродаже (впрочем, как и все свои вещи).

– Ну что, готова танцевать до утра? – кричала мне из открытого окна Инна, держа в руках откупоренную бутылку шампанского.

– П-привет... -я старалась, насколько это было возможно, скрыть смущение- нечасто приходилось гулять где-то в компании. Из всех, кто был в машине, я знала только Инну.

На заднем сиденье расположились три человека. Брюнетку с ярко крашеными глазами обнимал темноволосый парень, который ответил на моё приветствие, а девушка лишь закатила глаза и отвернулась к окну. Рядом с ними сидел молодой человек в кожаной куртке и с серьгой в ухе. Улыбаясь какой-то вызывающей улыбкой, он спросил:

– Ты точно сможешь протиснуться? Можешь сесть мне на колени, я не против, -после этих слов он два раза шлёпнул по ним ладонями, зазывая присесть. – Я Денис, но все зовут меня Дэн!

– Анна. Пожалуй, тут хватит места для меня!

Инна представила мне своего парня – угрюмого молодого человека, который лишь кивнул мне в знак приветствия. Дэн всю дорогу пытался заговорить со мной, но я от смуще-

ния или, скорее, от безразличия к теме о предстоящих премьерных новых песен в стиле «рэп» отвечала односложными фразами.

В клубе «Сердце Амура», куда мы приехали, яблоку негде было упасть. Инна гордо объявила, что «забила» этот столик за месяц. Сам клуб был весь розовый: розовая барная стойка, розовые кожаные диваны, розовые картины с Амуром и стрелами на розовых стенах... Меню тоже было розовым – с ребёнком, переодетым в ангела, который на первой странице невинно указывал пухленьким пальчиком на широкий выбор алкоголя. Я хотела было возмутиться, ведь это неправильно, но оставила своё мнение при себе.

– Что будете пить, девушки? – спросил Дэн, стараясь перекрыть музыку.

– Мохито с джином, – я указала пальцем в меню.

– Я буду-у-у... жуткую «Кровавую Мэри»! – Инна засмеялась, и все заулыбались в ответ.

Есть такой тип людей (для меня это был особый тип), у которых шутки получаются, как само собой разумеющееся. Я же шутила довольно скверно, если не сказать, жалко. И всегда завидовала таким людям, восхищалась ими. Для меня даже участие в конкурсе на свадьбе или дне рождения было жуткой пыткой – все ждёт от тебя чего-то смешного, а ты с прискорбием знаешь, что при рождении тебе забыли подарить этот навык.

Дэн принёс выпивку. Я наблюдала, но в разговоре не

участвовала. Все горячо обсуждали футбол, телешоу и где можно купить хорошие кроссовки со скидкой. Мне казалось, спроси я: «Люди, как вы считаете, в чём смысл бытия?» – меня бы распяли все, кто был в клубе, и сожгли за сквернословие на костре, подбрасывая в него розовые картинки с сердечками. Мне хотелось говорить про дождь, разбирая его до самых странных подробностей, на каждую отдельную каплю, а после – обсуждать запах озона в воздухе. Никогда мне не доводилось разговаривать о чувствах, или о своих желаниях, или о мечтах. Разговоры всегда были чёрствыми, как я их называла – обыденными. Например, как прошли выходные? Неужели эти пробки на дорогах никогда не исчезнут? Или о скидках в магазинах. Инна, хоть и была замечательной девушкой, не поняла бы меня, заговори я о чём-то подобном.

Через некоторое время я почувствовала, что алкоголь начал гнать кровь.

– Анна, детка, идём танцевать! – провозгласила Инна, и я очнулась от своих мыслей.

Когда танцевальную музыку перебила медленная, Дэн как будто случайно проходил мимо.

– Может, потанцуем? – прошептал он мне на ухо.

– Пожалуй! – согласилась я, тут же пожалев об этом.

Он обхватил меня за талию и прижался вплотную – было нечем дышать, от его тошнотворного парфюма меня начало тошнить. Мы были почти одного роста, поэтому ему не составило труда прижаться своей щекой к моей. Его щетина

здорово колола, а руки скатывались с талии всё ниже.

– Ты очень красивая, – прошептал он. – У тебя есть парень?

– Нет, – спокойно ответила я, осознавая, что пора сматываться. Мне вдруг захотелось оказаться дома.

Дэн посмотрел на меня глазами человека, получившего Нобелевскую премию, и поцеловал липкими трясущимися губами в щёку, подбираясь всё ближе к моим губам. Мои феромоны вопили: «Беги, глупая, беги». Я вдруг резко освободилась от объятий:

– Мне же надо позвонить маме! Совсем забыла!

Секунда – и я была уже у раздевалки. Поймав такси, направилась в сторону дома. Водитель взял с меня кругленькую сумму, ибо тарифы в новогоднюю ночь обычно удваивались, утраивались и так далее – до бесконечности.

До Нового года оставалось десять минут, когда я завалилась домой. Кот спокойно спал в кресле, но, услышав, как я вошла, поднял мордочку и счастливо замурлыкал, якобы, говоря: «Спасибо, я не хотел встречать Новый год один».

Зазвонил телефон. Это была Инна – от переизбытка эмоций и алкоголя она заикалась.

– Анна, ты где?

– Мама позвонила – не успела тебя предупредить, прости, – лепетала я, стараясь отвести от себя подозрения.

– Дэну ты приглянулась, – Инна стояла в туалете, голос в трубке разносился эхом, отдалённо звучала музыка. – Смот-

ри не упусти свой шанс! Он же сын нашего мэра, у него денег достаточно, поверь мне!

Инна была горда собой, сообщая мне, как ей казалось, эту грандиозную новость.

– Знаешь, в нём определённо что-то есть.

«Например, жуткий вкус при выборе духов», – подумала я.

– Слушай, давай завтра это обсудим – через пять минут Новый год!

– С Новым годом, желаю тебе всего!

– С Новым годом! – я кинула телефон на диван, положила себе остатки рыбы и открыла бутылку красного вина, которую нашла в холодильнике. Спасибо тебе, моё одиночество!

## Глава 2

Я почувствовала, как кто-то ходит по моей кровати. Шпротик нашел мои волосы очень забавными и развлекался с ними, как мог. Подняв голову с подушки, я обнаружила, что уже утро, а, вспомнив, что было вчера, застонала и плюхнулась обратно на кровать, накрывшись одеялом по самые уши.

– Анна ты уже встала? – кричала мама снизу.

– Да! – хриплым голосом прокричала я в ответ.

В окне отражалось тяжелое небо с ярко-серыми тучами и падающий, такой же серый, снег. Открыв окно, я глубоко

задышала полной грудью. Как же хорошо! На улице никого нет: ни машин, ни людей – все, наверняка, спят после новогодней ночи. И так тихо, что слышно, как невесомые снежинки падают на землю. В человеке никогда не бывает такого покоя, как в природе, нас всегда что-то волнует. А я бы хоть раз в жизни хотела его ощутить всем телом и мыслями – такой вот покой!

Наш дом, кстати говоря, располагался, скорее, в переулке, чем на оживленной улице, был небольшим, но уютным. Папа смастерил мне комнату на втором этаже, где раньше был чердак, прорубил окно с большим подоконником, на котором я всегда много читала. Оживленная улица проглядывалась из моего окна мельком. Я обожала свою комнату с большой кроватью, мягким ковром, двумя торшерами, синтезатором, книгами и ведущей на первый этаж маленькой резной крученой лестницей, по которой я спустилась на кухню, где мама пила кофе.

– Проснулась, наконец? – мама испытующе посмотрела на меня. – Как вчера погуляли?

– Мама, сейчас же всего девять утра, куда ты встала в такую рань, ещё и меня подняла? – я села за стол и положила щеки на ладони, отчего губы расплзлись по всему лицу.

– Мне нужно на работу!

– В такую рань? Первого января? – возмущалась я.

– Годовой отчет никак свести не можем, – отхлебнув кофе из чашки, ответила она. – И всё-таки, как вчера все прошло?

– Хорошо! Танцевали, встретили полночь и разошлись. В общем, ничего интересного, – я никогда не делилась с родителями подробностями своей личной жизни, и всех это устраивало.

– Я пришла в три часа, не стала тебя будить! Боже, я опаздываю! Еда на плите, – мама поспешно допила кофе. – Кстати, вымой посуду, я уже ничего не успеваю!

– Ладно!

Я села пить кофе. «Неужели письмо не придет? Хотя бы отказ написали. Хотя зачем тратить на меня бумагу?» Приятно иногда почувствовать себя несчастной за чашкой кофе утром, в первый день нового года.

Новогодние и рождественские праздники прошли со свойственной лишь праздничным выходным быстротой. После долгого отдыха настал такой «любимый» всем миром понедельник. Будильник, стоявший на маленькой тумбочке рядом с кроватью, затрещал, что есть мочи. «Ещё бы! – подумала я, – все выходные молчал».

Я села на кровать и, хлопая сонными глазами, уставилась в одну точку. Какой ужас! Неужели мне сегодня на работу? Что я делаю со своей жизнью? И такие мысли сейчас одолевают добрую половину человечества.

Шпротик сходил с ума от моих новых наушников, которыми был обмотан с мордочки до хвоста, вся моя кровать была усыпана маленькими резиновыми клочками. «Опять по-

ложила под подушку, неужели трудно встать и убрать их в шкаф перед сном?». Кот грыз их с таким наслаждением, что я решила не портить ему веселье, все равно их было уже не спасти. В праздники я совсем не встречалась с Инной, только болтала по телефону пару раз:

– Знаешь, Дэн про тебя часто спрашивает, жаль, ты болеешь и не можешь отрываться с нами, – вздыхала она.

Естественно, я была здорова, но простуда – идеальное прикрытие.

– Мне тоже очень жаль!

– Я дам ему твой мобильный? – спросила Инна.

– Конечно, нет! – взбунтовалась я.

– Почему – нет? Узнаете друг друга лучше! Анна, не упускай свой шанс, за ним целая очередь из девушек.

И что он увязался за мной? Я никогда не задумывалась о своей привлекательности, и сейчас, глядя в зеркало, увидела девушку ростом чуть ниже среднего, со светлыми длинными волосами, которые жутко пушились, и уложить их было целое искусство, которым я, к сожалению, не обладала. Весила я ровно пятьдесят, имела грудь уверенного второго размера, серые глаза, пухлые губы и щеки. Ничего особенного, наверно.

Я пропустила все автобусы и, стуча зубами, в черном пальто и белой вязаной шапке стояла на остановке, поглядывая на часы.

Когда я, как ошпаренная, влетела в офис, Инна уже сидела

на своем рабочем месте.

– Привет! Я знаю, что опоздала: пропустила все автобусы, пришлось ждать и.., что это? – на моем столе стоял большой букет красных роз с воткнутой запиской, а рядом – уродливый плюшевый медведь.

–Привет, я тебя тут заждалась! Ты только посмотри, какой букет? – Инну трясло от восторга.– Интересно, от кого?

– Не делай вид, что ты не знаешь, – съязвила я.

– Ладно, это от Дэна. И – да! Я прочитала записку! Тебя же не дожидаться, – честно призналась она.

Я стянула с себя запорошенное снегом пальто и развернула клочок бумаги с корявыми буквами. «Привет, дорогая моя девочка! Это Дэн! Я не могу забыть тот вечер, ты очень красивая! Может, погуляем? Инна сказала, что ты заболела, выздоравливай! Целую нежно в щечку. Дэн». От последних слов меня передернуло, как будто я вдохнула запах тухлых яиц.

– Эн, ну что ты думаешь? Такие парни на дороге не валяются – симпатичный, обеспеченный,– при этом Инна загибала по пальцу на каждый комплемент. – Тебе с ним и работать не надо, будешь сидеть дома и воспитывать детей.

Что? Сидеть дома и воспитывать детей? Я сразу представила себя в коммунальной квартире, где бегают, по меньшей мере, шесть детей, и себя: измученную, в вытянутой пижаме, готовящей борщ.

– Инна, обсудим это потом, у нас столько дел накопилось!

Дел и, правда, накопилось достаточно. Весь день мы разбирали бумаги, от клиентов отбоя не было, нужно было обработать кучу заказов. Весь торговый центр, как мне показалось, носило из стороны в сторону от суматошно бегающих людей. В конце рабочего дня, когда мы уже надевали верхнюю одежду, Инна осведомилась:

– Анна, а цветы? Разве ты их забирать домой не будешь?

– Нет, – я сделала безразличный вид, – Если я принесу их домой, мама начнет донимать, от кого они. Цветы, равно, как и медведь, остались на работе.

Я принесла свое тело домой. Поужинав и немного поболтав с мамой, плюхнулась на кровать. Зазвонил телефон. Ну что ещё?

– Слушаю, – устало промямлила я.

– Привет, красавица! – весело проговорил мужской голос. – Это Дэн!

– Привет! – неуверенно ответила я.

– Как дела?

– Нормально, как ты?

– Плохо, – грустно ответил Дэн, думая, что мне это интересно, потому что повисла пауза, которая явно означала, что должно прозвучать: «Почему?».

– Почему? – нужно узнать причину и быстро закончить разговор.

– Я очень по тебе соскучился, – от таких слов должно стать приятно? Обычно в фильмах женщина сразу расплывается

в улыбке.

– Понятно, – сказала я (а что еще говорят в таких случаях? опыта у меня было маловато). – Давай поговорим завтра, мне надо...выгуливать кота!

Шпротик, лежавший на кровати, поднял на меня голову, как будто говоря: «Ты что, сумасшедшая? Я с шести месяцев гуляю сам по себе».

– Слушай, Дэн, встретимся завтра. Нужно поговорить!

– Согласен, мне тоже нужно поговорить. Позвонишь, когда тебе будет удобно, для тебя я всегда свободен.

– Ладно, тогда до завтра, -я убрала от уха телефон, в котором ещё звучал голос Дэна, говоривший, что-то типа: «Спокойной ночи, пупсик».

Утро оказалось очень серым и вьюжным, как будто город накрыли огромным куполом, внутри которого невидимой ложкой мешали снег. Я оделась и спустилась вниз, где мама уже готовила завтрак.

– Ну, и погодка, доброе утро! – мама мастерски готовила сырники, переворачивая их, как самый настоящий шеф-повар. – Сырники будешь? Я купила мед!

– Да? Мед? Мама! Ещё и большущую банку! Это же дорого! – мама не без самодовольства улыбалась.

– Сто лет его не покупали, надо же тебя иногда баловать, -добавила она.

Мама и папа не имели понятия, как можно так любить мед: при простуде одно дело, но есть его ложками было для

них выше понимания.

– Одевайся скорее! Мне нужно в ваши края, я тебя подкину.

Я зашла в офис, вся запорошённая снегом. Инны еще не было, лучше бы она вообще не приходила. На столе лежал конверт красного цвета с сердечками. В конверте – два билета в кино и записка: «Если тебе удобно, я приеду за тобой в семь. С меня – билеты, с тебя – закуска».

Я нахмурила брови. В это время зашла Инна.

– Как ты могла дать ему мой номер?

– Успокойся! Я просто хотела вас подтолкнуть друг к другу, – начала оправдываться та.

– Разве это твое дело?

– Извини.

– Знаешь, Инна, просто, не вмешивайся, – я села за компьютер.

Меня трясло от злости, хотя ничего ужасного она не сделала, но ведь я её об этом не просила. Весь день прошел в полном молчании. Инна сто раз делала попытки к примирению, но я не реагировала, была злая и разбитая. Может, влияло то, что ответа на мое письмо всё не было, это вгоняло в депрессию.

Наступил вечер, я лежала на кровати, закинув ноги на стену. Шпрот увлеченно догрызал остатки моих наушников. Просигналила машина, я подпрыгнула, сбежала вниз по крутой лестнице, накинув пальто и шапку.

– Анна, ты куда? – сняв очки для чтения, спросила мама.

– Мам, там Инна подъехала, скоро вернусь, – ответила я и вылетела пулей из дому.

У дома стоял спортивный автомобиль красного цвета. Я открыла дверь и села на переднее сидение.

– Привет! Классно выглядишь, – улыбаясь и подмигивая, сказал Дэн.

– Спасибо, давай погово...-он наклонился и хотел смачно поцеловать меня в щеку. Я поняла это по раскрытым, сложенным уточкой губам, поэтому быстро отстранилась: «Эй, постой! Ты что!».

– Ну, не ломайся...

– Знаешь, я хотела сразу сказать. В общем, у меня... То есть, у нас ничего не получится, – все это время я дергала себя за пуговку пальто, никогда не знала, что так трудно отказывать с глазу на глаз. – Дело не в тебе, просто я не готова к отношениям.

– Что? Я не понял? Инна мне сказала, что ты без конца обо мне спрашиваешь, и как же все твои взгляды в клубе?

–Что? Какие взгляды? Ничего не было.

– Не прикидывайся! Я тебя развлекаю, как клоун. Ты принимаешь от меня подарки, но что-то дать в ответ не хочешь. Ты ведешь себя, как продажная девка!

– Не смей так разговаривать со мной! Между нами ничего не было, и быть не могло!

– Делай, что хочешь, но верни мне билеты!

Я достала из кармана красный конверт и кинула его на заднее сидение. Открыла дверь, вышла из машины. Дэн здорово дал по газам и скрылся за поворотом, а я стояла и думала, что именно сейчас было?

Ещё три дня на работе прошли в полной тишине, Инна сдалась и тоже помалкивала. Дэн, к счастью, больше не звонил.

Открыв глаза, я обнаружила на кровати Шпрота, который злобно глазел на меня. Я радовалась выходному.

– Анна, ты уже проснулась? – кричала с кухни мама.

– Да, я встала, иду!

Когда я спустилась вниз, мама стояла уже полностью одетая.

– Я убегаю на работу, хорошего выходного, накорми кота, – Шпрот уже терся у миски, всеми силами привлекая к себе внимание.

Уже закрывая дверь, мама вернулась.

– Чуть не забыла. Я сегодня нашла письмо в почтовом ящике, оно на полочке у телефона, наверное, какая-то реклама, но ты все же проверь – мама закрыла за собой дверь.

Минуту я стояла как вкопанная, потом побежала к тумбочке. На ней лежал красивый красный конверт с фигурными буквами: «Высшая академия культуры и искусства». Нет, не может быть! Наверное, отказ. Да, точно, а что это ещё может быть? Я вбежала вверх по лестнице и положила конверт

на кровать перед собой.

– Шпротик, ты это видишь? – кот злобно глянул на письмо, как будто говоря: «Ты слышала, что сказал мама, покорми меня».

Сердце выпрыгивало из груди, я вскрыла конверт, развернула плотную кремовую бумагу и, почти не дыша, пробежалась с середины на начало:

«На конкурсной основе было отобрано из более, чем пяти тысяч желающих, тридцать конкурсантов. Рады сообщить, что вы прошли первый этап, и мы бы хотели пригласить Вас для личного собеседования. Вся более подробная информация размещена на нашем официальном сайте, который указан ниже».

Я запрыгала по кровати, потом открыла окно и вдохнула ледяной воздух. Прекрасно, чудесно, идеально! Шпроту не удалось улизнуть из комнаты незамеченным. Казалось, я его затискала до смерти, потому что в конце он перестал сопротивляться.

На сайте я без труда нашла информацию, так как в письме была подробная инструкция. В общем, туда нужно будет явиться пятнадцатого марта. Второй этап будет состоять из личного собеседования и показательного выступления. У меня было меньше двух месяцев на подготовку. Это так странно, когда мечта уже становится не просто чем-то абстрактным, а обретает реальные границы, точный город и адрес, тем страшнее ее упустить. Ведь, если ты не прикасал-

ся к мечте, ты не знаешь, какая она на вкус, но, если уж попробовал, хочется большего и желательно – в приличных дозах.

Разговор с мамой был неизбежен. Хотя она всегда была рада, что я занимаюсь музыкой, все же считала это детским увлечением. После одиннадцатого класса я хотела поступить в консерваторию. Был жуткий скандал. Папа говорил, что я буду петь в переходе и жить на свалке, потому что музыкой и театром ничего не заработаешь. Мама, хоть и делала вид, что сожалеет, не протестовала и даже испытала облегчение, когда я поступила на юридический факультет. И вот сейчас я могу сама принимать решение, ведь я стану юристом по образованию, как они хотели, но не по призванию.

– Анна, ты уверена, что тебе этого хочется? – после долгого разговора спросила мама.

– Мама, ты лучше меня знаешь ответ на этот вопрос. Мне двадцать два, и, рано или поздно, я уеду из дома! – не без грусти в голосе и почему-то угрызений совести процедила я.

В нашей семье разговоры о чувствах были под запретом, и это показалось бы всем неуместным, если бы за просмотром драматического фильма по телевизору папа или мама начали вслух обсуждать чувства героев. Мне всегда этого не хватало, с самого детства. Вот и сейчас я делала попытки провести первый в своей жизни глубокий разговор с мамой, разговор о том, что без музыки и без сцены моя жизнь похожа на серые будни без солнца, но ничего не выходило.

– Но ты закончишь учебу, как хотел отец,– сказала она строго, почти приказным тоном.

– Я не собиралась ее бросать, – опустил глаза, мямлила я. – Да и вообще... – я засмеялась, желая разбавить обстановку. – Там будут такие конкурсанты, что на меня и не посмотрят.

Мама сделала вид, что смирилась, но я знала, как ее пугало одиночество. И зачем только умер папа?

Наступил новый рабочий день. Остатки выходного прошли в репетициях, точнее, в попытках приступить к репетициям из-за отсутствия самого номера. Естественно, я буду петь под свой же аккомпанемент. Но что петь? Можно перепеть известную песню, но их там и так будет достаточно, надо что-то свое. Стихи на новую песню получались посредственными, банальными и просто ужасно нудными. Кот весело играл с обрывками моих неудавшихся шедевров, которыми была завалена вся комната. Сейчас, стоя на остановке, я впадала в творческий кризис. Даже зло на Инну не могло меня подбодрить, тем более, за выходные оно стало выветриваться, и, плюс ко всему, день в молчании тянется бесконечно.

– Анна, привет,– сказала мне Инна, как только я вошла в офис.

– Привет! – для вида холодно ответила я.

– Анна, ну, прости, залезла не в свое дело, -я злостноглянула в ее сторону.– Да-да, знаю, что и как там благими на-

мерениями. Ну?

– Ладно, Ин, всё забыли. Надоело мне «обиженку» строить!– с улыбкой сказала я. Тем более, Инна была, конечно, девушка ветреная, но плохой ее никак не назовешь.

– Он потребовал назад билеты? – удивилась Инна, когда я рассказывала о нашей с Дэном последней встрече.

– Да. Ты же говорила, он, вроде, не бедствует?

– Совсем с катушек слетел, – Инна весело засмеялась. – Думаю, это все потому, что ты унизила отказом его мужское самолюбие.

– Ничего, переживет. Как ты выразилась, у него запасных вариантов много, – теперь я поняла, почему он так взбесился после моего отказа: всю жизнь он получал все, что хотел, а тут облом. Странно, что он не упал на пол и не начал бить кулаками, рыдая.

Дни понеслись с невероятной скоростью: я шла на работу, приходила домой, садилась за синтезатор или лист бумаги, но ничего стоящего. К сожалению.

На часах ударило десять вечера, и я, вымотанная неудачными попытками, посмотрела в окно, где тихо падал снег.

«Я на шепот снега отзовусь –

Я не говорю на языке капли,

Скажешь мне, кто я – такой и назовусь!

Ждешь весну? А я в нее не верю».

## Глава 3

Два месяца прошли в хлопотах и волнении. Чем ближе становилась заветная дата, тем больше я убеждалась в своей бездарности, хотя ехать не передумала.

Накануне я написала заявление на отпуск, взвалив на Инну все свои обязанности.

– Давай возвращайся быстрее! – ныла та.

– Эй, ку-ку! Я еще и не уходила, – весело дразнила я ее.

– Что собираешься делать две недели? – прискорбным голосом спросила Инна.

– Даже не знаю. Разберу хлам в своей комнате. Начну, наконец-то, писать диплом, темы уже точно должны были передать старостам.

Инна не знала ни про пришедшее письмо, ни про мою поездку, лишние разговоры на эту тему были ни к чему.

Рабочий день закончился, я шла домой – взволнованная и счастливая. Билеты куплены на завтра, добираться почти три дня. Ноты аккуратно сложены в папку вместе с текстом. Музыка я наложила на слова всего за вечер. Песня была чуть сыровата, ну, да ладно. Ведь, если дать волю, ее можно дорабатывать бесконечно, и всё равно на выходе будет казаться, что кучу вещей можно изменить. Я уверена, что это происходит со всеми, кто занимается каким-либо творчеством.

Чемодан я поставила рядом с кроватью, выключила свет и легла в постель. Мысли переплетались друг с другом, не

давая ни минуты покоя. Я переворачивалась с одного бока на другой, кровать казалось самой неудобной на свете, и, в итоге, я задремала только под утро. Проспав всего около получаса, встала по будильнику в пять сорок. На улице было еще темно, в отблеске фонарей небо мне показалось зловещим. Черные тучи нависли пологом слишком низко для того, чтобы надеяться, что день будет солнечным. Мама тоже встала, лицо ее выражало беспокойство и грусть.

– Мама, не надо было вставать в такую рань, у тебя сегодня единственный выходной за две недели, – я обняла ее крепко, чтоб хоть как-то утешить.

– Ну, как я могла тебя не проводить? Я приготовлю завтрак.

– Нет, что-то совсем не хочется.

– Я отвезу тебя, дочка.

– Мама, нет, – я налила нам по большой чашке сладкого кофе, – тебе придется прогревать машину, как минимум, полчаса, на улице минус пять. Я вызову такси. Отдохни, сделай

что-то для себя, хоть раз в жизни не думай о других.

Мама с нежностью посмотрела на меня, и я так искренне ей улыбнулась, что она сдалась.

Такси просигналило, и мы вышли на веранду.

– Звони мне, как можно, чаще! Будь осторожна! Ты одна вообще никуда не ездила. Будь осторожна, – как заведенная, лепетала она.

– Мама, я же не в другую галактику уезжаю. Всё будет хорошо. И сама тоже звони. Я тебя люблю!

У зеленых ворот стояло такси. Заспанный водитель заблокировал мне заднюю дверь, и я уселась со всеми своими пожитками. Меня потряхивало от волнения и холода, а временами ужасно сосало под ложечкой. В сумерках город казался другим – таким спокойным, тихим, родным. И почему я не гуляю рано утром? Нужно попробовать.

В школе я была самой застенчивой девочкой, держалась особняком. Меня, к счастью, не задирали, но и не общались. Думаю, всё потому, что мои уроки были всегда готовы, и я знала ответ на каждый вопрос, заданный учителем, так как была жуткой зубрилой. Зато в музыкальной школе была пара ребят, с которыми я с радостью общалась. Педагог по пению часто заставляла меня солировать в хоре, но я отказывалась с жутким скандалом. Даже вызывали пару раз маму, но повлиять на меня было невозможно, поэтому вскоре все, наконец-то, отстали. Так я и жила с яростным желанием быть на сцене и с жутким страхом на ней оказаться. И как, интересно, я сяду за рояль не только играть, но и петь? Скорее всего, в кабинете будет только несколько членов отборочной комиссии, так что справлюсь.

Такси подъехало к вокзалу, где уже суетились люди. Я вытащила свой багаж из машины и уверенно зашагала в зал ожидания, но на полпути сбавила шаг. Ещё не поздно передумать. Кто я такая со своей жалкой песней? Нет, я должна

попробовать! На глазах выступили слёзы. Что же делать? Я слышала, как объявили мой поезд и призвали всех пройти на платформу. Сомнения сняло как рукой, я резко побежала в сторону платформы. Я еду!

Мое купе находилось в первом вагоне поезда. Попутчиков, к счастью, не оказалось, и я, расположив на нижней полке свои вещи, уставилась в окно. Поезд тронулся, за окном замелькал знакомый вокзал, неприметные люди – всё постепенно становилось одной большой серой линией. К слову, я первый раз ехала куда-то одна, поэтому мама позвонила уже три раза.

Дело клонилось к вечеру. Я съела булочку со сладким горячим чаем – единственный на сегодня мой обед. В вагоне было жутко холодно, поэтому я попросила у проводницы еще одеяло. Трое суток тянулись нескончаемо долго. Мне уже надоело и чтение, и музыка, поэтому в последний день я просто с утра до вечера пялилась в окно. В мое купе постучались, и проводница объявила, что через двадцать минут моя остановка. Я стала собирать свои вещи в походную сумку. Переодевшись в джинсы и теплую белую водолазку, натянув пальто и застегнув его на все пуговицы, я спрятала волосы под вязаной шапкой.

– Мне нужно вот сюда, – ткнула я пальцем на аккуратно записанный адрес.

– Это далековато, – сказал лысеющий таксист в кожаной жилетке, из которой выпирал живот.

Машина тронулась, и я засекала время. Вот это город: сколько же людей, домов, машин, магазинов! Голова кружилась от высоток, рекламных щитов, широких улиц в четыре полосы, мне показалось, что я теряюсь здесь, будто в непроходимых джунглях.

– Приехали, – откашливаясь, сказал таксист.

– Спасибо, – я проверила время, почти пятьдесят минут.

И вот я стою напротив огромного здания, похожего на замок, окруженного небольшим парком. Чудо-строение с каменными стенами и решетчатыми окнами. Время уже семь вечера, не буду сегодня заходить, прослушивание завтра в десять, надо найти, где переночевать.

По ответам прохожих подходящий отель был всего в квартале отсюда. Я нашла его легко, трудно не заметить огромное синее здание с горящей вывеской «Восток».

На ресепшене сидела симпатичная девушка. По моим глазам, наверное, было видно, что я не имею понятия, где очутилась, потому что она вежливо спросила:

– Девушка, вам помочь?

– Да, я бы хотела номер с посуточной оплатой, не знаю, насколько я задержусь здесь.

– Я вас поняла. Какой номер вы предпочитаете?

– Девушка, мне самый дешевый номер, который у вас есть, – просто сказала я.

Она посмотрела на меня, как на оборванку. Ну, а что было делать? Денег у меня не так много. Самый дешевый номер

стоил дороже, чем я ожидала, мне дали пятый этаж. В номере было просто и чисто. Висел телевизор с плоским экраном, холодильник, душ, который я мечтала принять все последние три дня, стереосистема и огромная кровать. Я приняла душ, немного полежала и почувствовала себя самым голодным человеком на свете. Часы показывали начало девятого. Алый закат уже залил маленький номер, и я проверила свои запасы. Ничего не осталось, только недопитая газировка.

Я посмотрела в окно, через дорогу располагался ресторан быстрого питания. Кола и бургер. Вредно, но сытно. Всухомятку, но дешево. Взглянув в зеркало, я убедилась, что лицо от трехсуточной поездки в поезде изменилось и опухло, ведь я почти не спала из-за стука колес. Кого-то это, возможно, укачивает, но, к сожалению, не меня. Одно веко было ниже другого, волосы торчали в разные стороны, да и какая разница? Меня тут никто не знает, не буду шапку снимать, и – дело в шляпе.

Куча народа толкалась у кассы, почти все столики были заняты. Сидели, в основном, компаниями, фотографировались, смеялись, болтали. Девушки были все, как на подбор: одетые с иголки, ухоженные, с глянцевыми волосами. Я на общем фоне, наверное, странно выглядела, но развернуться и уйти было некуда.

Взяв себе бургер и пол-литра колы, я села за свободный столик у окна. Становилось жарковато, и мне пришлось снять шапку, открыв миру копну светлых лохматых волос.

Спустя несколько минут в кафе завалилась огромная компания, усевшаяся за соседний столик. В компании были две девушки и три парня.

– Ну что? Как курсовая? У меня наполовину готова, – смеясь, спросила девушка, в чьих каштановых блестящих волосах можно было увидеть свое отражение.

– Я тоже начал. Предки наседают, пообещали заблокировать мои карточки, если закрою сессию плохо, – ответил парень с черными кудрявыми волосами и резкими чертами лица.

– Они говорят тебе это каждую сессию, – сказала другая девушка – кудрявая блондинка с красивым правильным носом, и игриво уткнулась ему в плечо.

– Завтра в десять идете? Свежее мясо прибывает, будет, на что посмотреть, – сказал парень с темными волосами, которые были аккуратно выбриты по бокам. Он мне показался даже, наверное, симпатичным, хотя в мужской красоте я разбиралась мало. Мне никто никогда не нравился, но в нем было что-то такое, что я хотела бы рассмотреть лучше.

Чувствуя себя неудобно, как обычно бывает в чужом месте, и, ругая себя за то, что не взяла еду на вынос (что сейчас казалось таким логичным), я уплетала свой бургер с высокой скоростью. Подняв глаза, я обнаружила на себе взгляд парня, которого посчитала симпатичным. Он смотрел на меня со страшным интересом, и через секунду я стала замечать на его лице ехидную улыбочку. Какой ужас! Мало того, что

он видел, как я закидываю в рот огромные куски булочки с кунжутом, он смотрел на мои лохматые волосы и что-то весело, почти шёпотом, рассказывал друзьям.

Я сделала четыре глотка колы и пулей направилась к выходу. Когда проходила мимо, он выставил свою ногу в проходе, перегородив мне путь. У меня от неожиданности замерло сердце.

– Если ты такая голодная, можешь доесть остатки моего гамбургера, – его лицо исказилось в лукавой улыбке, остальные члены компании давились в беззвучном смехе.

– Нет, спасибо! Я наелась, – запинаясь, я опустила глаза (жалкое, наверное, зрелище). – Дай пройти!

Я посмотрела ему прямо в чёрные глаза, обрамленные длинными ресницами. Дыхание сбилось, а сердце выпрыгнуло наружу. Он облизал нижнюю губу, на секунду опустил глаза и, широко улыбаясь, освободил мне путь. Когда я была почти на свободе, знакомый голос выкрикнул:

– Кстати, классная прическа. Не подскажешь номер своего парикмахера? – вся компания дружно загоготала.

Я брела к отелю, и мое лицо выражало два состояния: гнев на того придурка и ненависть к своей прическе. Зайдя в освещенный холл, я стала ждать лифт – злая и жалкая.

Телефон я забыла в номере, от мамы было пятнадцать пропущенных, и, послушав на ночь проповедь о ненужности мобильного телефона, если его нет всегда рядом с тобой, я уснула.

Прозвенел будильник. Репетиция песни сошла на «нет», волнение сводило с ума. Стрелки на часах получались то разной длины, то разной высоты. Подводя глаза тушью, я ткнула кисточкой себе в глаз. Все вокруг расплылось от слез и размазалось. Я психанула и, смыв все мылом, зарыдала на кровати. Отведя душу слезами и жалостью к себе, посмотрела в зеркало: волосы торчали, лицо сделалось опухшим, глаза были красными от слез, а левый глаз немного отек. Как бы не обращая внимания на свое кошмарное отражение, я всё же привела лицо в приличный вид, насколько это было возможно. Получилось, конечно, не идеально, но на этот раз без травм.

Волосы я уложила на один бок, а кончики подкрутила плойкой. Вспомнив зеркальный блеск волос у девушек в кафе, я чуть не разревелась вновь, глядя на свой стог сена на голове. Побрив ноги, я натянула новые колготки и белое кружевное платье. Брызнув на себя немного ванильных духов, свалилась на стул с чашкой чая.

Девять-тридцать. Через десять минут пора. Червячок в груди не давал покоя, ладони потели, дыхание сбивалось. Я аккуратно собрала ноты, надела пальто, натянула перчатки, закрыла номер, села в лифт и нажала кнопку первого этажа.

На улице я сразу продрогла. Влажный мартовский ветер пробирал до костей. Солнце светило, но было холодно. Погрузившись в свои мысли, я не заметила, как оказалась у зда-

ния, похожего на замок. Наконец, перед моими ногами лежали ступени, ведущие к центральному входу, окруженному колоннами и с дубовой резной дверью в центре. Когда я немного огляделась, то заметила приличное количество народа, пребывающее позади меня с разговорами и смехом. Я пошла внутрь. В центре просторного холла на потолке висела огромная люстра, стены наполовину обшиты бордовой тканью, а другую половину покрывали деревянные лаковые рейки. На второй этаж вели две громоздкие резные деревянные лестницы, застеленные в тон стенам бордовыми дорожками.

В холле было много народа, стоял шум, откуда-то сверху слышались звуки рояля. По правую руку я увидела гардеробную и сдала свои вещи. Около лестниц стояла худая высокая женщина со светлыми закрученными в шишку волосами в строгом дорогом светло-голубом костюме, в руках она держала папку и кого-то высматривала в толпе, я поспешила к ней.

– Здравствуйте, я...-слова застряли в горле.

– Здравствуйте. Ваше имя, пожалуйста?– строго спросила она, поджав свои тонкие губы.

– Анна Туманова, – она что-то отметила у себя в папке и вежливо предложила мне подняться по лестнице на второй этаж и ожидать в малом зале.

Большая дверь с трудом поддавалась мне. Внутри было много света, людей и зеркал. Все стены были зазеркалены, со-

здавая и без того в светлом и просторном помещении еще больше света и воздуха. Когда я вошла, все обернулись на меня, отчего мое лицо вспыхнуло краской.

Стулья были выставлены рядами перед маленькой низенькой сценой, на которой стоял белый гляцевый рояль.

Я села в первом ряду рядом с большим окном и немного огляделась. Многие собрались в кружки и горячо обсуждали дорогу, свои номера, обменивались телефонами, я же сидела и молчала. С людьми я сходилась неважно, искренне не понимая, о чем говорить? Шутить я не умею, рассказывать было нечего, поэтому я выбрала тактику тихо сидеть на стуле и выждать. Наконец, дверь распахнулась, и в зал вошел мужчина высокого роста, средних лет, худощаво сложенный и с аккуратно стриженной бородкой.

Все мгновенно замолчали и расселись по местам.

– Приветствую всех конкурсантов, – мелодично произнес он, – меня зовут Эдуард. В академии мой предмет – хореография. Сегодня я расскажу вам, как будет проходить отбор. Для начала я бы хотел познакомиться с каждым из вас. Вот, к примеру, ключи от этой классной комнаты. Я буду кидать их в хаотичном порядке. У кого в руках они окажутся, называет свое имя, кратко описывает номер, и рассказывает, на что он готов, чтобы учиться у нас. Итак, поехали!– он кинул ключи бритоголовому парню в клетчатой рубашке.

– Всем привет! Меня зовут Макс, кто еще не знает. И у меня мега крутой танец в стиле «техно». Учиться именно

здесь – моя мечта, поэтому я готов абсолютно на всё!

Далее ключи оказались у симпатичной брюнетки, далее у полного парня с веснушками. Меня удручал тот факт, что многие приехали, как и я, с песней. Ладони вспотели, скоро очередь дойдет до меня, надо подумать, что сказать, чтобы не опозориться и...

– Ай! – что-то задело меня по лицу, оставив жгучую боль на щеке.

– Эй, с тобой все нормально? – я оглянулась, ключи лежали у меня на коленях, а темноволосый парень говорил, что он не нарочно, и ему жаль. Эдуард смотрел на меня.

– Хорошо, что ты не проходишь пробы в баскетбольную команду, – сказал кто-то из зала, все весело переглянулись.

– Зал, тишина! Мы тебя слушаем, – процедил Эдуард.

– Да. Э-э... Меня зовут Анна, и у меня песня, – я уже собиралась передать ключи, но Эдуард замахал руками.

– Анна, на что ты готова, чтобы выбрали именно тебя?

– Ну, наверное, на всё, – и почему, потом думала я, мне пришлось в голову пробовать шутить именно сейчас, -но я точно не готова раздеваться.

Я ждала смеха или одобрительных улыбок. Но зал застыл: как я могла сказать такую чушь? Черт! Я чувствовали со спины, как на меня пялятся. Щека немного болела, ноги отекли, но еще полтора часа я не шелохнулась.

– Ну что ж, – наконец, произнес Эдуард, – сейчас я предлагаю всем посетить наш прекрасный буфет, а далее будет

проходить уже главный отбор в большом зале. Мы всех вас ждем ровно в час, а пока все свободны.

Я с трудом нашла буфет. Интерьер был оформлен очень современно, и я с минуту рассматривала стены, обклеенные чем-то наподобие старых газет. Торшеры были расставлены вдоль стен, деревянные столы и стулья стояли по правую сторону.

Я совершенно не готова была съесть хоть что-нибудь, желудок сводило от страха. Я, конечно, ожидала от себя публичного позора, такое случалось нередко. Но чтоб опозориться, еще не ступив на сцену, это перебор даже для меня.

Я взяла себе кофе и маленький шоколадный пончик. Достав из сумки текст песни, пробежала по строкам. Никогда еще текст мне не казался настолько банальным, и, чем ближе становился заветный час, тем еще более меня раздражала песня. Как я раньше могла не заметить, что это просто убожество? Да ещё и выступление будет проходить в большом зале! Как бы мне хотелось с кем-то поговорить из ребят, поделиться волнением, но после выкинутого мною номера, ко мне никто и близко не подойдёт.

Оставалось десять минут до финального испытания и десять минут до того, как мечта всей моей жизни разобьется вдребезги, скорее всего, потому что второй раз решиться на что-то подобное у меня не хватит духа.

Большой зал находился на третьем этаже. По всему коридору были развешены портреты музыкантов, картины, ста-

ринные черно-белые фотографии. Я увидела центральный вход в зал, красивые тяжелые двери были распахнуты настежь, из зала доносился шум, который знаменовал, что он забит народом. Огромные прожектора освещали сцену, балконы украшала лепнина, удобные бархатные кресла так и звали присесть – все здесь дышало величием. От переизбытка эмоций я даже забыла, зачем я, собственно, нахожусь здесь, волнение почти отступило, но вскоре вернулось с новой силой. Половина зала была заполнена молодыми людьми, подшучивающими и смеющимися. Никто из них не восхищался красотой зала, из чего я могла сделать вывод, что они бывают здесь очень часто и не только в качестве зрителя. Я тяжело вздохнула. Как выйти на сцену перед студентами? Они же только и пришли сюда в надежде, что кто-то опозорится. Я заметила, что первые два ряда были заполнены конкурсантами, и, пройдя несколько рядов, заняла место. Оглянувшись назад, чтоб осмотреть зал, я заметила на центральном балконе сидящих с блокнотами в руках судей. Среди них была женщина в голубом костюме, которую я встретила у лестницы. Через пятнадцать минут на сцену своей грациозной походкой взлетел Эдуард.

– Ну что, все готовы?– весело сказал он, и его голос отразился эхом от стен. – Не будем оттягивать и сразу начнем, у каждого ровно семь минут. Поехали! Да и, кстати, господа учащиеся, я настаиваю – никаких криков, демонстраций и мнений. Вам позволили присутствовать до первого замеча-

ния, я доступно объясняю?

Кто-то выкрикнул: «Есть, сэр!», – и в зале захихикали. Я обернулась, и сердце упало: выкрикнул никто иной, как вчерашний парень из кафе. Вот черт! Я узнала его и всю компанию: все они, оказывается, были студентами. Я сделала глубокий вздох и убедилась, что фортепьяно стоит на сцене рядом с кулисами.

– Итак, поехали!

Красивая длинноногая девушка поднялась с первого ряда и вышла на сцену. Пела она неплохо и двигалась в такт, но уж больно переигрывала, как мне показалось. Как будто все было отрепетировано до каждого взмаха рукой. После ее выступления по залу весело пробежал шквал аплодисментов. Далее вышел юноша, которого я почему-то запомнила больше других. Бритоголовый Макс. Его танец был очень зажигательный, и я громко хлопала вместе с остальными, а судьи весело шептались, одобрительно кивая. Чтобы хоть как-то унять дрожь, я сжимала пальцы добела.

– Туманова Анна.

О, черт, черт, черт! Все будет хорошо, хорошо! Поднимаюсь по ступеням, я заметила, что парень из кафе что-то весело рассказывает друзьям, глядя на меня. От этого мне стало не по себе, и на последней ступеньке я запнулась и чуть не грохнулась в оркестровую яму. Зал нашел это очень забавным и давился в беззвучном смехе. Я села за рояль, руки дрожали, на секунду мои глаза закрылись, и волнение са-

мо собой куда-то испарилось. Пришло ощущение, что я дома, вот мое место. Руки упали на клавиши, и я первый раз в жизни запела и заиграла для кого-то, потому что до этого единственным слушателем моих песен был Шпротик. Я слышала, как мой голос отражается эхом от стен, а от прожектора моя кожа была такой белой, почти фарфоровой. Время и место утратили значение, и я пела, наслаждаясь по-настоящему, наслаждаясь тем, что делаю. Песня закончилась, я сделала поклон, услышав аплодисменты.

– Анна! Анна! Вы можете немного задержаться?– громко сказал женский голос, говоривший явно с балкона, из-за прожекторов я не могла видеть лица женщины, – к двухсотлетию нашей замечательной школы мы решили поставить на сцене «Евгения Онегина». Как вы считаете, в чем главная трагедия эпохального романа?

Я стояла, как на экзамене, и не могла выдавить из себя ни слова, тишина давила мне на перепонки. Я подошла ближе к микрофону, бегло вспоминая сюжет, который сейчас вылетел из головы, хотя половину романа я точно могла рассказать наизусть.

– Г-главная проблема романа,– отвечала я дрожащим голосом,– да и вообще того времени, что люди мало говорили друг с другом. Недосказанность творила ужасные вещи, рушила судьбы людей. Сейчас люди стали говорить о своих чувствах более открыто, и я считаю это большой плюс.

Я не помнила, что говорила, по мне – так это был просто

набор слов.

– Спасибо за интересное суждение.

Заняв свое место в зрительном зале, я больше не обращала внимания на сцену. Было ощущение, что я все испортила. Мне хотелось плакать, рыдать, остаться одной, уехать и больше никогда сюда не возвращаться. Я даже была готова выйти замуж за Дэна и начать рожать ему детей. Я очнулась лишь, когда Эдуард сделал заявление:

– Благодарим всех за прекрасные номера! Наши многоуважаемые судьи примут решение, и список, получивших бюджетные места, будет завтра в десять утра у расписания. Ну, а сейчас всем спасибо, все могут быть свободны.

Выжатая, как лимон, я принимала свои вещи из гардероба и, резко развернувшись, чуть не снесла парня из кафе, который давил странную улыбочку.

– Эй, а я тебя помню, – он стоял в обнимку с высокой блондинкой, чья рубашка с трудом удерживала внушительный бюст.

– А я тебя нет! – огрызнулась я и пошла прочь. Да что он привязался ко мне? Еще со своей глупой ухмылкой.

Вернувшись в номер, вся промёрзшая насквозь, я закуталась в одеяло и долго разглядывала свои ногти. Потом позвонила мама, и я ограничилась лишь общими фразами, что все прошло нормально, выступила достойно. Видимо, по голосу она поняла, что я не в настроении, потому что не стала меня допытывать расспросами. Билет домой я заказала по

интернету на завтра, на половину шестого вечера. Когда завтра я не увижу своего имени в списке, у меня будет достаточно времени прорыдаться, собрать свои вещи и доехать до вокзала.

## Глава 4

Так странно видеть во сне не совсем понятные, абсурдные, порой нереальные вещи и ощущать при этом абсолютное счастье. Я обожала свои сны, в них я никогда не сидела за разгребанием бумаг, я была путешественницей, охотницей на вампиров, я пела, я была счастлива. Проснувшись, я погружалась в ностальгию, как будто скучала по прошлому, которого у меня никогда не было.

Я поднялась с кровати, засунув ноги в пушистые тапочки-собачки. В номере было холодно. Налив себе кофе, я швырнула носом. О, ну только не температура! Зеркало быстро подтвердило мои опасения: красный нос, под глазами всё синело, как июльское небо, лицо бледное, в общем, «франкенштейн» отдыхает. В номере была аптечка на случай первой необходимости, и, к счастью, там завалялся градусник и какой-то пакетик с порошком от простуды со вкусом лимона. Градусник упрямо показал тридцать восемь.

– Просто здорово...

Мыть голову я была не в силах, краситься тоже. Натянув одну штанину, я дубела на стуле, и только через пять минут

вторая штанина была уверенно натянута на ногу. Наконец, и шапка была надета, пальто тоже, шарф я повязала до самых глаз, на разглядывание себя в зеркало времени не оставалось и, закрыв номер, села в лифт. Мартовское небо все было покрыто тяжелыми свинцовыми тучами, не оставляя солнцу ни единого шанса. Замок жутковато выглядел на фоне серого неба.

Зайдя в холл, я увидела целую толпу студентов, шепчущихся у арки, где было развешано расписание занятий. Высокая девушка, которая вчера выступала первой, рыдала на деревянной резной скамейке, а рыжая девушка с кудряшками ее успокаивала.

К расписанию было не подступиться, и я без толку несколько раз вставала на цыпочки и задирала голову. Кто-то одобрительно вскрикивал: «Прошел!», а кто-то нудил: «Эй, где мое имя?». Наконец, я протиснулась вперед и стала лихорадочно бегать по строкам. Сначала я прочитала, что прошедшим нужно будет ознакомиться о начале занятий на официальном сайте, а также подать заявку на общежитие, если такое требуется. Я спускалась по списку все ниже и ниже, но моего имени всё не было, на глаза наворачивались слезы, как вдруг: «Туманова Анна».

Что? Этого не может быть, это какая-то ошибка. С каменным лицом я упала на скамейку рядом с рыдающей девушкой, которая вдруг стала бить кулачками свои ноги. Я подняла глаза и заметила, как вниз спускается вчерашняя жен-

щина в голубом костюме, только сегодня на ней костюм был ослепительно белый, отлично подчеркивающий ее красивую худобу.

– Добрый, то есть доброе утро! -запыхалась я. Она посмотрела на меня сверху вниз и строго сказала:

– Доброе утро, я вас слушаю.

– Знаете, здесь, наверное, какая-та ошибка. Я нашла в списке свое имя и...

– Ваша фамилия? – сосредоточенно спросила она.

– Туманова.

– Хм, нет никакой ошибки. Анна Туманова в списке под номером девять. Или вы уже передумали? -не сводя с меня глаз, осведомилась она.

– Нет! Конечно, нет, – залепетала я.

– Чудно. Тогда я вас поздравляю и прошу извинить, не все воспринимают отказ, как подобает, – она поспешила к рыдающей взаллеб девушке на скамейке. Я стояла, и в голове не было ничего – пустота.

–Эй? – меня кто-то окликнул и коснулся плеча. – Привет! Ты Анна, верно? А я Макс. Помнишь танец и...

– Да, да, я тебя помню, Макс. Да, привет, – я собиралась с мыслями и выстраивала реальность происходящего, как карточный домик. Макс стоял в синей спортивной куртке, обтягивающих джинсах и в веселой радужной шапке. Мне показалось, что он выше меня на целую вечность, как минимум.

– Ты прошла, поздравляю. Я увидел твое имя в списке,

ты здорово пела и думаю, это заслуженно. Я, кстати, тоже прошел, – сказал он как будто между делом.

– Ты что? Это же классно! – совершенно искренне ответила я, он засмеялся и посмотрел на меня своими янтарными глазами.

– Ты сама почему не прыгаешь от счастья?

–Э-э... Да, я буду. Правда, буду. Просто нужно как-то пожить немного с этой мыслью, понимаешь? – я отвела от него глаза, потому что заметила, что он начал разглядывать меня очень внимательно.

– Верно, – он немного замялся, но потом продолжил. – Слушай, хочешь, я тебя подкину? Ты в каком районе живешь?

– Нет, не надо. Я не из этого города, а остановилась совсем рядом. И мне пора, до первого сентября? Ладно? – я медленно отступала и уже хотела развернуться и уйти прочь, как он добавил:

– И, кстати, жаль, что раздеваться тебе не пришлось. Я шучу. Пока! – и с добродушной улыбкой он ушел в сторону толпы. Вот черт! А я думала, об этом все уже забыли.

Я зашла в номер и немного отдышалась. Только сейчас до меня начало доходить произошедшее. Дело было даже не в том, что я получила это место. У меня, наконец, появилась цель, смысл в жизни.

– Мама, ты что, плачешь? Перестань, пожалуйста. Я думала, ты будешь рада за меня. Но... Мама, поговорим об этом

дома,— я вздохнула,— мне пора собираться. Люблю тебя!

Мама приняла новость о моем зачислении ужасно. Ее очень пугала мысль об одиночестве. Но, как бы я ее ни любила, я не могла оставаться всегда на одном месте, как кочка, и, как бы ни было тяжело, нам обеим перемены пойдут на пользу, нужно просто привыкнуть. До моего отъезда еще пять месяцев. Я надеюсь, этого хватит на осознание нам обоим.

Вокзал встретил меня жуткой толпой и шумом, люди сновали туда-сюда, к тому же я чувствовала себя ужасно: перед глазами была пелена, и голова кружилась. Температура никак не спадала, а из носа ручьем текли сопли. До поезда оставалось еще чуть больше часа. На территории вокзала находился аптечный киоск, где я купила препараты от простуды себе в дорогу и засела в буфете.

Пирожок с картошкой, от которого по салфетке расплзлось жирное пятно, вызывал в моем желудке бурю отрицательных эмоций, отчего я выпила лишь пару таблеток от простуды, заливая их кофе. На перроне я промерзла и чувствовала себя полуживой. Ледяной влажный мартовский ветер пробирал до костей, а поезд запаздывал. Наконец, из-за поворота показался зеленый состав, с шумом и грохотом поезд затормозил, и окоченелые люди, включая меня, кинулись к вагонам.

Затащив свои пожитки в купе, я с огорчением обнаружила двух пожилых попутчиц, которые ужинали и приветливо

зазывали меня к себе.

– Добрый вечер! Приятного аппетита! Нет, есть я не хочу. Спасибо. Нет, всё хорошо. Чувствую себя нормально, просто устала. Я займу верхнюю полку, вы не против?– спросила я, хотя сама уже закидывала свои вещи наверх.

Мне хотелось только одного – закрыть глаза и уснуть. Стянув с себя пальто, я улеглась лицом к стенке и накрылась одеялом до самых ушей. В этот раз даже шум колес показался мне колыбельной, а монотонная беседа двух женщин и тепло, которое, наконец-то, разливалось по всему телу, меня победили, и я уснула.

Я открыла глаза, ощутив жуткую боль в горле и озноба. Часы показали шесть утра. В купе оказалось совершенно пусто, видно, мои попутчицы вышли на нужной им станции. Чудесно, мне не придется никому рассказывать, от чего у меня такой кошмарный вид и такой жуткий насморк.

Все три дня в поезде оказались страшным мучением. И я потеряла уже всякую надежду, что доберусь до дома живой. Наконец, объявили мою станцию. Мама уже ждала меня у вокзала.

– Анна! – она крепко обняла меня, и я почувствовала, как соскучилась. – Анна, просто ужасный вид!

– Чувствую себя примерно так же... – в нос лепетала я.

– Бедняжка, – заботливо повторяла мама всю дорогу.

Добравшись до дома, я сразу забралась в ванну и лежала

там, пока мои пальцы не превратились в изюм. Когда я вышла, мама поджидала меня на кухне.

– Анна, я налила тебе чай и испекла твою любимую пиццу с грибами, – запах и, правда, стоял чудесный, но аппетита не было.

– Спасибо, – я взяла чашку и села напротив.

– Ты уже всё решила, ведь так? – прямо спросила она.

– Дай мне возможность хотя бы попробовать. Я буду приезжать домой на всё лето и на Новый год, а школа, знаешь, она такая необыкновенная.

– Я всё понимаю, – на пару минут наступила тишина, затем она продолжила. – Город огромный, там всё так дорого...

– Ты об этом не переживай, мне дадут общежитие. Еще пять месяцев впереди, буду откладывать.

– И много ты успеешь накопить? Тебе нужно будет покупать новые учебники и новую одежду

– Мне и старая нравится, а учебники буду брать в библиотеке, – отрезала я. – Мне положена стипендия.

Мама встала и вышла из комнаты, а я смотрела на пиццу, от которой начинало мутить.

Последняя неделя отпуска прошла в сепарации вещей. Решив, что в новую жизнь надо вступать с чистого листа, я нещадно избавлялась от своих старых пижам, спальных комплектов и нижнего белья. Все деньги, которые остались от поездки, я аккуратно сложила в шкатулку, хотя понимала,

что накопить на целый учебный год мне не удастся. Но разве можно быть прагматичной именно сейчас?

Мама приняла новую тактику – не разговаривать обо всем этом. Инна пару раз звонила и рыдала в трубку: «Еще день такой нагрузки, и я напьюсь прямо на рабочем месте!».

– Без тебя тут скука смертная, день тянется, несмотря на то, что работы невпроворот! – жаловалась она.

Естественно о поездке она не знала, иначе слушать ее «охи» и причитания до сентября, а мне и без этого головных болей хватало, одна из которых это – диплом. Близился апрель, сдача приходилась на июнь. Я могла бы ошестиниться и сказать маме, что этот диплом мне вовсе не нужен, но так жалко родительских и своих денег, вложенных в него. Ведь почти половину своего дохода я отправляла каждый месяц переводом за обучение, а в декабре, получив небольшую новогоднюю премию, а также, опустошив свои скромные запасы и еще одолжив немного у мамы, отдала все сразу за последний год.

Прозвенел будильник, и я встала. Первый рабочий день после отпуска больше не казался мне таким уж ужасным. Простуда почти прошла, но нос по утрам был заложен. Мир встретил меня промерзлой землей и тусклым солнцем, еле еле проглядывающим из-за горизонта.

– Анна! – Инна бросилась мне на шею. – Ты какая отдохнувшая, только глаза немного припухли.

– Да, я немного простыла! – проямлила я, включая ком-

пьютер.

До обеда я обрабатывала заказы, которые накопились за время моего отсутствия, что порядком меня достало, и я начала клевать носом.

– Больше не могу, пойду вниз чего-нибудь съем.

– Давай, я после тебя, – не отрываясь от компьютера, сказала Инна.

Пожевав пиццы, я снова упала в мир бумаг и не заметила, как наступил вечер.

– Кстати, Эн, – я подняла уставшие глаза на Инну. – Дэн женится!

– Что? – я неподдельно удивилась.

– От него телка залетела, решили оставить ребенка. Его папаша доволен, он давно хотел внука, а сынку уже двадцать шесть – пора бы. Решили закатить дорогущую вечеринку, – красочно рассказывала Инна. – Кстати, и ты идешь, так что жди приглашения.

– Я? Мы с ним виделись пару раз, и это были не очень удачные встречи, мягко говоря – заявила я и отвернулась.

– Ты – первая девушка, отказавшая ему. Он явно тебя не забудет и в знак примирения, думаю, пригласит, – протестовала Инна.

Месяцы понеслись, как сумасшедшие. У меня установилось железное расписание: работа-диплом – пять дней в неделю, диплом-диплом – на выходных. Все пятьдесят листов пришлось печатать и обрабатывать вручную.

Наступил июнь. Я представляла, как у моего замка изгородь покрывается густой листвой. В особенно жаркий июньский день после обеда Инна спросила:

– Ты идешь к Дэну на свадьбу? Она уже завтра.

– Как завтра?

– Разве тебе не пришло приглашение? – обеспокоенно закричала Инна.

– Почему же, пришло, – мне действительно пришло приглашение на красивой пахучей бумаге. Принять его я не торопилась, так как считала свое присутствие нелепым, да и денег на подарок и наряд у меня не было. – Я сегодня вечером позвоню тебе, если надумаю.

Вечер выдался душным. На небе не было ни облачка, мухи летали туда-сюда, путаясь в волосах. Я решила пойти на свадьбу. Куплю что-нибудь символическое и недорогое. Надо расставить все точки над «і» и пожелать ему счастья.

– Мама, я завтра иду на свадьбу, – объявила я, уплетая свой ужин. Мама мыла посуду, поэтому расслышала не сразу.

– Что? – она выключила воду.

– Меня пригласили на свадьбу, это знакомый Инны, мы вместе отмечали Новый год, а сейчас он, оказывается, женится, – тараторила я, упуская некоторые подробности.

– Это не сын нашего мэра? – она подняла одну бровь, а я поперхнулась.

– Да, точно, а ты откуда знаешь?

– У нас на работе только и разговоров об этом. Сходи, а то плесенью скоро покроешься вместе со своим дипломом,— и она продолжила мыть посуду.

Я открыла шкаф. Печальное зрелище. Ничего не подходило для подобного мероприятия, может кроме белого платья, которое я покупала на выпускной в школе. Кружева всегда в моде, главное, постирать и вывести это ужасное пятно от курицы, а вот и туфли к нему со стразами.

– Мама, я в магазин за подарком,— закричала я, сбегая с лестницы.

– Нашла, в чем пойдешь?

– Да, решила в выпускном платье!

– Давай я выведу это ужасное пятно от курицы,— сказала мама, вставая.

– Оно на моей кровати, – и я выбежала на улицу.

Солнце тянулось в сторону горизонта, я бежала в сторону магазинчика фотопечати, который находился неподалеку. Мимо меня шли влюбленные парочки, а я дышала своей свободой полной грудью.

Утро выдалось пасмурным, ни следа от вчерашнего солнца.

– Анна, ты готова? Инна подъехала, – кричала снизу мама.

– Да, – волосы я укладывала утюжком больше двух часов, и, наконец, они перестали торчать и почти касались талии.

– Выглядишь на все сто, – восторгалась мама, – даже луч-

ше, чем на выпускном вечере в школе.

– Ещё бы! Сегодня мне не делала причёску твоя знакомая...

– Да ладно, тебе очень шли те косички, – смеялась мама.

– Если бы я жила в диком племени туземцев и...

В дом ворвалась Инна.

– Доброе утро! – Инна стояла запыхавшаяся, в черном длинном платье. Широкое декольте невыгодно подчеркивало маленькую грудь. – Клево выглядишь, Эн! Но нам уже пора, вдруг торт съедят без нас? Я сегодня ничего не ела, берегу место в желудке!

Мы ехали, весело беседуя о всяких пустяках. Ее парень как-то странно кивнул мне и больше не смотрел в мою сторону на протяжении всей поездки.

– Его отец откупил на время территорию аэродрома, – восторгалась Инна.

– Аэродрома? – переспросила я

– Ну да, они распишутся без лишних глаз, а мы уже будем ждать их там. Мне сказали, всё будет по высшему разряду. Накрыли огромные шатры, и торт будет в двадцать слоев, – охала Инна, не унимаясь.

– Ага, угу...Ничего себе...Да ты что? С ума сойти, – вставляла я временами.

– Не жалеешь, что упустила? – Инна ехидно смотрела на меня.

– Не хочу портить ему жизнь, – отшутилась я, стараясь не

вспоминать новогоднюю ночь.

Мы выехали на трассу. Ветер дул мне в лицо из открытого окна, Инна, наконец, уgomонилась.

А вдруг ничего не получится? Вдруг денег не будет хватать? Вдруг мама во всем права? Что если я останусь стесняшкой, которую никто и не заметит, и большее, что мне светит, это выступать на свадьбах или корпоративах. Мне так захотелось очутиться у себя в комнате, что-нибудь написать. Грустные мысли всегда навевают определенное настроение для творчества. Наверное, поэтому все истинные гении были депрессивными одинокими затворниками.

Наконец, мы свернули. На огромном поле издали были видны шатры.

– О, почти приехали!– Инна скакала на месте так сильно, что, казалось, машину носит туда-сюда.

Подъезжая ближе, мы увидели огромный ангар, как мне показалось, для вертолетов, который сейчас явно превратился в парковку. Мы вышли, как вдруг к нам подбежал человек проводить нас на наши места.

Легкий ветер трепал мои волосы, и я вдохнула его полной грудью. Солнце пряталось за тучами, и я могла широко раскрыть глаза. Вокруг было бескрайнее поле, шатры были украшены бантами, цветами, огнями и ленточками, которые развевались на ветру.

Мы сели за превосходно накрытый стол. Я радовалась природе, какому-то спокойствию, которое всегда ощущаешь,

когда спадает жара, солнце прячется за тучами, и ветер становится славным, тёплым, приятным и спокойным; на фоне тихо заиграл оркестр, и я заслушалась.

– Анна! – Инна стала трясти меня за плечо.

– Что?– нервно отозвалась я, опечалившись тем, что прервали прослушивание мною отрывка из «Лебединого озера».

– Посмотри вот туда! – сказала она, показывая пальцем направление. – Немало подарков.

Весь стол был завален красиво упакованными коробками, а особо огромные коробки стояли на полу.

– Давай тоже поставим наши?– предложила я. Пусть лучше развернут мой подарок, когда всё закончится. Сомневаюсь, что кто-то подарил дешевый набор посуды или простенький набор постельного белья.– Кстати, Инна, а что вы дарите?

– Деньги. Подписали, что эти деньги на первую игрушку для их чада, – оказывается, Инна дарит почти мою месячную заработную плату. У меня хватило денег только на две кружки в форме сердца и фотоальбом «С первых дней жизни».

– Я отнесу свой подарок к остальным! – положив свою зеленую коробочку, я быстро улизнула, как с места преступления.

Время перевалило далеко за полдень, когда я увидела вдалеке белый лимузин, едущий по дороге.

– Едут, едут! – восторженно закричали гости.

Все вышли из шатра и приготовились встречать молодоженов. По полю шли родители и новобрачные, платье и волосы невесты развевались на ветру, и Дэн показался мне счастливым. Гостям раздали позолоченный рис из маленьких мешочков, и они принялись щедро осыпать супругов.

Все вернулись не свои места, а ведущий стал развлекать гостей, как обычно, конкурсами, песнями, вопросами. Инна пару раз приняла участие в конкурсе и даже поймала свадебный букет, отчего ее распирало от счастья и алкоголя. Облака улетучились, не пролив ни капли дождя, и солнце уже начинало садиться, играла тихая музыка, гости разбились по компаниям: кто-то пил, кто-то танцевал.

– Анна, – Дэн стоял, закатав рукава, с коктейлем в руках. – Не думал, если честно, что ты придешь.

Он изрядно выпил, и язык его временами не слушался.

– Да, я тоже, – наступило неловкое молчание.

– Знаешь, – начала я, – мне очень хотелось тебя поздравить, забыть то, что произошло между нами. Тем более, согласись, это было странно, я не хочу, чтобы ты держал обиду на меня.

– Анна, просто скажи мне, почему?

– Что ты имеешь в виду?

– Почему ты сказала мне «нет»? – его лицо выражало злость и сожаление.

– Зачем ты спрашиваешь меня об этом? – я встала со стула и на каблуках оказалась одного роста с ним. – У тебя сегодня

свадьба, а ты говоришь об этом?

– Свадьба? Да плевал я на эту свадьбу! Я не могу забыть тебя, понимаешь? Со мной такое в первый раз, поэтому просто скажи, почему? Если хочешь, я отменю всё...

– Ты пьян. Прощай, Дэн. Желаю счастья вашей семье.

Я развернулась и пошла прочь, слыша вслед его голос, который довольно громко звал меня по имени. Надеюсь, этого никто не услышал. Инна танцевала медленный танец:

– Анна! Ты куда, такая уверенная? Давай с нами танцевать!

– Инна я вызову такси, мне надо домой. Мне кажется, я съела что-то не то. А, может, и выпила, – я скорчила рожицу.

– Ты что, с ума сошла? Время только половина девятого, – Инна заныла, как маленькая девочка, и затопала ножкой. Я испытующе посмотрела на нее, и она сдалась.

– Котик, отвезешь Анну домой? – парень посмотрел на меня.

– Не надо, веселитесь... – начала протестовать я.

– Чтоб тебе еще попался какой-нибудь таксист-маньяк? Ни за что!

Даниил, парень Инны, за все полгода, что я его знаю, не сказал мне ни слова, и путь к машине прошел в неловком молчании. Я забралась на заднее сидение и увидела Дэна, смотрящего на меня издали. Я отвела от него взгляд, и мы поехали.

На небе уже загорались первые звезды. В воздухе стоял

приятный запах лета, состоявший из цветов, легкого дыма и тёплого асфальта.

– Ты ему до сих пор сильно нравишься, – Даниил прервал молчание, отчего я на секунду перепугалась.

– Кому? – хотя ответ был очевиден.

– Ты сама знаешь, он женился только потому, что отец приказал. Все время говорил, что ненавидит тебя, но на него жалко было смотреть.

– Я не хочу отношений ни с ним, ни с кем-либо другим, – я замялась: вообще странно, что мы разговариваем. – В любом случае, должно случиться, нет, должно промелькнуть что-то между людьми, понимаешь? Нельзя просто взять и начать встречаться, это всё ярлыки, это должно произойти само собой.

– Так только в книжках бывает, – он улыбался.

– Может, но я не согласна на другое.

Я заскочила домой и сняла туфли, которые мне немного натёрли.

– Ты чего так рано? – удивленно спросила мама, смотревшая телевизор.

– Хватит! Надо диплом писать, мама, – сказала я, как можно, серьезнее.

– Боже, не думала, что мама должна говорить такое дочери, но ты – зануда.

– Если что, я наверху!

Шпрот тихо спал на кровати. Я оглядела свою комнату:

как же хорошо! Закат мягко ложился на стены, я видела, как мелкие пушинки тихо летают в воздухе, из открытого окна веяло вьюнами, которые доросли почти до моего окна. Как бы хорошо остаться здесь навсегда! Именно в этом мгновении – просто жить здесь всегда с этим закатом, тишиной и тихо сопящим котом.

## Глава 5

Остаток лета оказался мимолетным. Диплом я защитила на «отлично». Во время вручения мама разрыдалась, вспоминая, как этого хотел отец. Инна так и жила в неведении, а я отчитывала дни до первого сентября. Когда наступила середина августа, больше откладывать не было смысла, и перед работой я поехала к своему руководителю в главный офис писать заявление на увольнение.

– Анна, Анна, жалко терять такие кадры. Может, тебя не устраивает оплата? Я могу пересмотреть твой оклад, – сказал Николай Николаевич, держа ручку над моим заявлением.

– Нет, дело в другом. Я уезжаю учиться!

– Ну что ж! Хорошее дело! Ладно! – и он черкнул своей красивой подписью. – Не буду тебя заставлять отрабатывать две недели, я ж не тиран какой-нибудь. Вижу, не терпится тебе, но неделю поработай, пока мы тебе замену найдем.

Я не вышла на улицу, а вылетела на крыльях свободы.

– Что? Анна, ты что?

– Инна, я не хотела тебе раньше говорить, прости.

– Я, конечно, рада за тебя. Но тут без тебя с ума сойду и уже скучаю! Как же так? Тебе не страшно совсем одной ехать в такой огромный город? Там люди, знаешь, не такие, как у нас, все на моде помешаны и на себе. Кто же будет с тобой душевные разговоры вести? – хныкала Инна.

– У меня есть твой номер телефона на этот случай.

Страшно ли прощаться со старой привычной жизнью? Да, но, если всегда бежать от перемен, человек будет жалеть, что не попробовал что-то изменить. Самое постоянное, что есть в нашей жизни, – это перемены, думала я, укладывая чемоданы.

– Мама! – я бежала вниз со всех ног. – Мне дают общежитие, понимаешь? Сказали, я буду жить одна на двадцати пяти квадратах: своя маленькая кухня, комната, туалет и ванна. Совсем недавно там сделали ремонт. Смотри!

И я листала фотографии на телефоне.

– Совсем недурно, всё в таких светлых тонах!

– Ну, мама, – она выглядела подавленной, – неужели ты за меня не рада?

– Конечно, рада, но вот...

– Знаю, знаю! Когда у меня появятся свои дети, я тебя пойму...

Завалившись в постель, я думала о том, что завтра последний день на работе, и надо бы купить торт или пиццу, а, может, и то, и другое? Мне вдруг невольно вспомнились те

студенты. Дыхание перехватило, и на мгновение защемило сердце. А еще тот парень! Таких черных глаз я еще в своей жизни не видела. Разве стоит вообще о нем думать? Я никогда не стану одной из них и сидеть с ними вот так запросто никогда не смогу. Есть тип людей, к которым я себя не относил: они всегда немного лучше во всем, на них все смотрят и втайне завидуют, мне стоит просто смириться с этим.

– Ты такая счастливая!– сказала Инна, откусывая по чуть-чуть от куска горячей пиццы, – прямо светишься вся!

– Я уже и чемоданы сложила, -с гордостью провозгласила я.

– Когда уезжаешь?

– Через четыре дня. Я уже билеты купила, маму только жалко, как она будет без меня?

– Анна, мама любит тебя и понимает, что у тебя своя жизнь!

–Эх, если бы отец был жив, я так скучаю...

Последние вещи были собраны и уложены. Свою многочисленную коллекцию книг я оставила. Взяла только две самые любимые, которые я перечитывала так много раз, что сбилась со счета: «Мосты округа Мэдисон» и «Портрет Дориана Грея». Шпротик сидел у окна и играл с солнечными зайчиками уходящего дня, я легла на кровать и стала наблюдать: вот жизнь у кошки, не нужно стремиться, бояться потерять, жалеть, ненавидеть, отчаиваться. Вдруг мое сердце так

сжалось, реальность происходящего обрушилась, как снежный ком. Уезжаю на полгода! По щекам побежали слезы, и я рыдала целый час, радуясь, что мама на работе.

Мы пили чай на кухне, часы показывали девять.

– Я рада, что ты у меня такая целеустремленная, ты такая же, как твой отец. Когда он начинал свой бизнес, никто в него не верил. Еще бы! Мы оба из простой семьи, родители наши были обычными рабочими. Он добился всего только своими руками, потому что работал на износ. Этот дом, машина – как много он нам оставил, и, если бы он был жив, то обязательно поддержал бы тебя сейчас, и тебе бы не пришлось думать о том, на какие деньги ты будешь жить. А я продала его фирму за бесценок от страха – по щекам у мамы катились слезы, мое сердце упало.

– Мама, – я вскочила и обняла ее, – перестань! Ну, хочешь – я не поеду? Хочешь – я останусь?

– Нет, – вдруг резко оборвала меня она. – Ты поедешь! Я не допущу, чтобы этот город загубил тебя. Потом, глядишь, устроишься в столице, и я к тебе перееду, – через слезы она улыбнулась. – Всё, хватит реветь! Мы с тобой сильные независимые женщины. У меня Шпротик есть, не заскучаем. Ещё я подумываю выращивать комнатные цветы, ты же знаешь, как я их люблю.

Это, действительно, так и было – у нас весь дом был уставлен цветами. И все они были зеленые, веселые, ухоженные,

а летом сад был увит вьюнами от земли до самой крыши.

– Ты не против, что я займу твою комнату рассадой? Хочу попробовать разводить чайные розы и орхидеи!

– Ах, вот, значит, почему ты не против, что я уезжаю?– ехидно подметила я,– У вас со Шпротом уже планы на мою комнату?

Мы долго смеялись, разговаривали, шутили, как обычно бывает после чего-то печального. Когда всё высказано, на душе становится так легко, что потихоньку миришься со своей печалью и начинаешь принимать ее и воспринимать, как данное.

Мой поезд отъезжал от перрона в пять сорок утра, часы показывали два ночи. Я не спала. Луна была просто огромная, и комната освещалась ею. У меня было возбужденное состояние, как перед решающим броском. Я не могла больше лежать в кровати и встала, подойдя к окну, которое было распахнуто настежь. Летняя ночь была теплой, тихой, волнующей. Как прекрасно! Где-то вдали проезжали редкие машины, жужжали кузнечики, и нежно танцевал ветер. Такую ночь хочется запомнить навсегда, запомнить ее нежные запахи, звуки, запомнить себя в ней и те чувства, которые рождает такая ночь, ведь всё, что есть прекрасного в человеке, рождает именно такие ночи. В такие ночи я не верю, что может быть просто смерть, я верю во что-то большее. Я легла, когда уже рассвет начал освещать мое лицо, и, подремав

около сорока минут, стала собираться.

Когда я спустилась вниз, мама жарила яичницу, разлив нам по стакану кофе.

– Мама, зачем ты так рано встала?

– Я хотела, чтобы мы вместе позавтракали, – мама была печальная, но старалась всеми силами это скрыть, – ты уже собралась?

– Да. Так жалко оставлять синтезатор, как же я без него? – я глубоко вздохнула. – И мои книги...

– Я буду за ним ухаживать, не волнуйся! Буду протирать пыль и играть те две песенки, которым ты меня научила. Помнишь?

Огонь так и прожигал мою грудь, когда вот-вот рыдания прорвутся наружу, я уже так скучала по маме, по дому, по коту, по своим вещам, но нашим утренним посиделкам.

– Не время реветь, давай ешь! – сказала мама, предугадывая мои чувства. – Ты, надеюсь, не передумала ехать?

– Нет, – сквозь слезы пробормотала я.

Подъехало такси. Я стояла одетая, груженная двумя массивными чемоданами.

Я напоследок потрепала кота за ухом, отчего он благодарно замурлыкал. Мы крепко обнялись, и мама проводила меня до ворот.

– Я верю в тебя! Будь сильной и ничего не бойся, это тебе! – мама протянула серебряную цепочку с кулоном, где был изображен японский иероглиф. – Этот иероглиф переводит-

ся как «путь». Я хочу, чтобы он стал твоим талисманом. Никогда не забывай две самые главные дороги: дорогу своей жизни и дорогу домой. Мы с мамой всегда держали эмоции при себе, поэтому такое откровение заставило давить в себе слезы.

– Мама, спасибо! Это так важно сейчас. Спасибо, – машина прогудела, я обернулась, водитель указывал на наручные часы, тем самым давая понять, что «денежки капают». – Мне пора! Как сяду в поезд, обязательно позвоню тебе, пока.

В окно я видела маму, которая, немного покачиваясь, стояла у ворот, а возле ее ног сидел толстый усатый кот. Моя семья. Как же мне больно оставлять вас. Но это мой путь. Спасибо, мама!

Я стояла на перроне. Раннее утро уже таило в себе отголоски осени. Меня всю трясло от макушки до самых пяток, но я хранила внешнее спокойствие. Поезд подъехал, объявили, что остановка продлится двадцать минут. Я нашла свое купе, поблудив несколько минут туда-сюда.

Всю дорогу я не верила происходящему. Мне все больше начинало казаться, что это сон, розыгрыш... да всё, что угодно, но не моя новая реальность. Тянуло домой. С каждым новым километром, я испытывала непреодолимую тягу выйти на станции и повернуть обратно. Меня никогда не сможет понять человек, который оставался в своей привычной реальности всегда – всю свою жизнь. Но я сделала выбор, и

за этот выбор нужно нести определенную ответственность. Часто выбор сделать не так сложно, как кажется, сложнее не разочароваться в нем, выдержать последствия и не повернуть обратно.

## Глава 6

Густо моросил дождь. Я сошла с поезда. Общежитие находилось совсем рядом с замком, но для человека, не знающего город совсем, слово «рядом» ни о чем не говорило. По карте я нашла другой путь, ведущий от вокзала до места назначения на автобусе. Чтобы не тратить лишние деньги на такси, я отправилась со всеми своими пожитками искать нужную остановку. По пути меня несколько раз чуть не сбили с ног, но миссия была выполнена, и я стояла на остановке, где вскоре показался автобус «66». Почти через час, собрав все пробки, мы приблизились к Вишнёвой улице. Мне не хватило места, и всю дорогу пришлось простоять, держа в руках увесистые чемоданы.

Наконец, сойдя с автобуса, я понемногу начала узнавать места. И, дойдя до гостиницы, моего прошлого пристанища, совсем обрадовалась. Большое общежитие из красного кирпича находилось совсем неподалеку.

Я зашла в довольно привычное помещение, похожее на холл обычного многоквартирного дома с той лишь разницей, что на первом этаже сидела пожилая женщина и такой же

пожилой охранник.

– Добрый вечер!– я очень нервничала, думая лишь о том, что могла всё напутать и приехать вообще не туда, или приехать рано, или поздно, или всё сразу.

– Добрый! Слушаю вас!

– Я приехала сюда учиться.

– Сюда – это куда? У нас проживают студенты из разных учебных заведений, – немного небрежно ответила женщина.

– Академия культуры и...

– Паспорт!– провозгласила женщина, и, немного покопавшись в списках, она

продолжила, – Туманова, Туманова... У тебя 3-й этаж!

Правила знаешь?

– Нет, еще не успела ознакомиться.

– В десять вечера быть у себя, после этого времени никого не пускаем. Друзей водить запрещается, вечеринки устраивать тоже, курить только в специальном помещении, и...

– Но я...

– Можно я продолжу? – она злобно подняла глаза из-под очков.

– Да, конечно, простите.

«Веселенькое начало!», – подумала я.

– Парней тоже водить запрещено. Три предупреждения, на четвертое– выселение. Всё ясно!? Вот твои ключи, комната 310. На кафедре возьми пропуск, без него больше не пущу!

Лифт поднял меня на третий этаж. В длинном коридоре

было пусто, тускло горел свет.

Я открыла дверь. Квадратная маленькая комната содержала в себе диванчик у одной стены и маленький шкаф у другой, в который был встроен немного устаревший, но добротный телевизор, стол и стульчик у окна, ковролин на полу, светлые шторы и обои. На кухне стоял малюсенький одноместный стол и припаянный к нему стульчик, маленькая холодильная камера и такой же маленький кухонный гарнитур. Ванна была расположена впритык к унитазу.

– Да, мама, мне всё нравится. Всё такое маленькое, непривычно после нашего дома. Да, уже завтра. К девяти, да. В чем пойду? – после этого вопроса мой желудок свело.

Боже, конечно, завтра же первое сентября! Как я забыла, что нужно взять с собой что-то, кроме джинсов, футболок и свитеров. Платья я носила крайне редко, у меня даже в мыслях не было взять что-то подобное с собой. Я вывалила все свои чемоданы и, как сумасшедшая, стала искать хоть что-то подходящее. С десяток минут я сидела, смотря в одну точку.

– Джинсы, кофта, еще кофта. О-о-о! – из кучи я вытащила своё старенькое платье бежевого цвета, которое обожала носить дома. Оно было из очень мягкого плотного материала и приятно прилегало к телу. Два года назад, в новогоднюю ночь, я прожгла рукав петардой, так это платье и стало домашним.

Видно, что оно старое. Но это лучше, чем пойти в джин-

сах! Эх, надо было взять своё кружевное платье, в котором я была в день прослушивания, но не подумала о том, что, кроме учебы, могут быть еще праздники, внеучебные собрания и тому подобные сборища. Надо его постирать и отгладить, тогда и посмотрим. Я повесила платье сушиться, потом развесила остатки вещей в шкаф, разложила косметику, нижнее белье, тетрадки, вытащила ноутбук и разместила его на столе у окна. Полотенца, наволочки и простыни нашли свое законное место в шкафу. Быстро приняв ванну, разложила диван. Засыпая, смотрела на свое платье, висевшее напротив, и мне становилось грустно.

Я проснулась на полчаса раньше будильника и в шесть уже наливала себе кофе. Вчера вечером я так и не решилась идти искать магазин, поэтому запасы еды были скромные. Осталось три быстрорастворимых пакетика кофе, две лапши быстрого приготовления, пирожок с картошкой, к кофе одна палочка «твикс». Нужно пополнить запасы еды, хотя сегодня завтракать я точно не смогу, дыхание спирало от волнения. Нарисовав стрелки на часах, не без труда, конечно, я принялась гладить платье. Волосы я убрала в высокий хвост. Временами на меня накатывали волны безумия, страха и паники, но я успешно делала вид, что не замечаю этого, и, как психопатка, играла сама с собой в игру.

Боже, ну, просто кошмарно! Еще с этими сапогами! Я вертелась перед зеркалом, которое висело около шкафа.

Рукав я подвернула, чтобы скрыть дырку. Выйдя из квар-

тирки, обнаружила, что в общезитии очень шумно. Ребята сновали туда-сюда, кто-то смеялся, девушки были в нарядных платьях и с кудрями.

– Доброе утро! - сказала я консьержке. Она подняла на меня глаза из-под очков и что-то буркнула: и, правда, очень милая женщина!

Погода стояла чудесная. Солнце поднималось вверх, но чувствовалось приближение осени, такое еще невинное, но уверенное и сильное, что плохое настроение, как рукой, сняло. Я любила осень с самого детства. Это время старых историй, старых воспоминаний, старых чувств. Осень –это обновление. Обновляется природа и наша душа, потому что люди – часть природы, часть того прекрасного, что есть в этом мире. Мне было грустно за ту часть света, где нет четырех сезонов, как в наших широтах. Как же они живут без этого?

У замка было много людей. Девушки, как одна, были все нарядные.

Я встала в сторонку и ждала в одиночестве, пока всё начнется.

На территории было полно лавочек, и я решила присесть.

– Анна,– кто-то окликнул меня сзади. Я обернулась, закрывая глаза от солнца, и вдруг узнала Макса.

– Привет, я тебя узнал,– смущенно сказал он.

– Привет, я тебя тоже, как настроение?

Он сел рядом.

– Да, пока не понятно, но уже нашел, с кем буду сидеть за одной партой,– он сложил пальцы вместе.

– Правда? А я вот как-то нет,– со вздохом выдала я.

– Кстати, ты закончила музыкальную школу? Я это понял сразу, когда ты играла и пела на сцене, это было... профессионально.

– Профессионально?

– Эй, я в хорошем смысле, – он улыбался. – Так вот, тех, кто закончил музыкалку, переводят сразу на второй курс, так как нам не надо проходить вводную часть обучения и так далее. Я тоже закончил. Кстати, играл на флейте. Скорее всего, завтра нас вызовут в деканат и все скажут!

– Ты что, серьезно? Сразу на целый год вперед?– я была так рада, что не могла скрыть своих эмоций, – вот это новость!

– Да, согласен. Ну, это пока «слушок», но из достоверных источников,– и Макс подмигнул мне.

– Но, если мы перейдем сразу на второй курс, нас бросят в гущу событий, придется так много наверстать, – с горящими глазами сказала я.

– Да, я об этом не подумал, хм,– Макс задумался,– но что может быть круче, чем заняться сразу всем, что есть в этой школе?

– Наверное.

Заиграла музыка, и все пошли ближе к замку.

– Ладно, увидимся,– и Макс скрылся в толпе.

– Пока, – но меня он уже не услышал.

Выступал директор. Речь шла о том, как важно искусство в современном мире, и тому подобное. Потом нас позвали в концертный зал, где проходило прослушивание. Зал был полон студентов. Я видела Макса, он и, правда, завел много друзей, с которыми непрерывно смеялся. Мне достался один из последних рядов, и от нечего делать я стала рассматривать студентов. Все были такие полные жизни, стремлений и надежд. Красивые и громкие – всем не терпелось жить. Вдруг мой взгляд упал на парня, которого я видела в кафе, он так же нагло и бесцеремонно обнимался со своей блондинкой, я узнала компанию, которая окружала его в кафе. Все были очень веселые.

– Эй? Ты смотришь на меня? – мое сердце сжалось до атома.

– Что? – чуть слышно промямлила я.

– Ты что-то хотела? – этот парень кричал через весь зал.

– Ты меня спрашиваешь? – выдала я в ответ.

– Моя девушка интересуется, где купить платье, как у тебя?

Я опустила глаза, делая вид, что меня это не касается. Блондинка, сидевшая с ним в обнимку, процедила: «Адам, ты меня позоришь».

Адам? Так вот, значит, как его зовут. Мое сердце стучало, как будто я пробежала километр, а в голове звучал только один вопрос: как же стать незаметной?

После торжественной части я пошла в деканат, где расписалась в куче документов, там же мне выдали пропуск, оформили библиотечный билет и вручили ключ от моего шкафчика. Я сфотографировала на доске свое расписание. Завтра нужно быть в девять ноль-ноль в сто тринадцатом кабинете, первая пара «Введение в искусство».

Я уже одевалась в красивом холле, который так часто рассматривала на фотографиях, когда ко мне подбежал Макс.

– Уже убегаешь? -спросил он.

– Да, а ты?

– Нет, у меня еще дела, многие собираются сегодня отметить первый день и всё такое, тут недалеко есть караоке-бар, ты с нами?

– Не-ет,– я смутилась, -в другой раз.

– Жаль, ну, бывай,– он подмигнул мне и скрылся в толпе.

Я позвонила маме и скудно отчиталась, как все прошло. Потом налила ванну и легла в воду. Как бы мне хотелось перестать стесняться себя, быть увереннее, стеснение всегда только мешает, никогда не помогает.

## Глава 7

Наступила ночь, и у меня начался диалог с самой собой. Так, Анна. Ты приехала в новое место, тебя никто не знает здесь, никто не может повлиять на суждения о тебе, если ты будешь замарашкой, тебя никогда не заметят. Я думала об

этом, когда уже задремала, и даже приснилось мне что-то подобное.

Я проснулась от звука дождя, а вскоре сработал будильник. Позавтракав последним пакетикам лапши быстрого приготовления, я решила, что неплохо было бы пополнить запасы еды, далее мне предстояла война с волосами, которая окончилась моим полным поражением. Я с облегчением надела свои потёртые джинсы и белую футболку, зная, что сегодня наряжаться не надо.

Выйдя на улицу, закуталась сильнее в пальто и подумала о том, что нужно было взять зонтик. Дождь вот-вот хотел перейти в ливень. Мои опасения подтвердились, и на полпути дождь зарядил по полной. Я вбежала в холл вся вымокшая до нитки, до занятий оставалось всего несколько минут, и, сдав свои мокрые вещи, побежала на поиски туалета. Он находился на первом этаже рядом с расписанием. Кошмарный вид. Но есть один плюс: волосы не так пушились. Корректором я немного помазала под глазами, тушь растеклась, образовав черные круги.

Со вздохом я отправилась на первый урок, о котором мечтала так долго. Не так я себе представляла этот момент. В моей голове все было иначе: я иду такая красивая в компании однокурсников, мы весело разговариваем и смеемся.

Я забежала в библиотеку и взяла учебник «Введение в искусство».

Стоя у кабинета, я всё не решалась зайти. Вокруг меня

сновали студенты и преподаватели, и мне вдруг захотелось убежать. Наконец, прозвенел звонок, и больше нельзя было медлить. Я открыла дверь. В классе было очень шумно, все горячо обсуждали вчерашний вечер в караоке-баре. Я, как можно тише, села за заднюю парту.

В класс вошла женщина, которая в день прослушивания ждала нас на лестнице в голубом костюме, а с ней Эдуард.

– Всем доброе утро, -начала она, – я ваш куратор, по всем вопросам обращайтесь ко мне. Затем Эдуард тоже поприветствовал нас и раздал всем список, где были обозначены внеклассные занятия.

– Помимо обычных уроков, вы можете выбрать два дополнительных внеклассных занятия, чтоб углубиться в ту или иную область, -сказал Эдуард, – возьмите список с собой, завтра всех жду у себя на кафедре с ответами.

Список включал в себя: танцы, актерское мастерство, сольфеджио, эстрадно-джазовый вокал и многое другое.

Далее нам рассказали об основании академии, показали самых известных выпускников, наконец, пожелали счастливой учебы и удалились. Все весело переговаривались и решали, какие выберут внеклассные занятия. В класс вошел учитель.

– Дорогие студенты, меня зовут Валентина Петровна. Я буду вести у вас несколько дисциплин, в том числе, и введение в историю искусства. Главной задачей курса является

формирование ясного представления об эволюции стилей в истории западноевропейского искусства...

Пролетели две пары, где я прилежно записывала всю лекцию. Задали подготовить доклад, я выбрала тему: «Музыкальная культура Центральной и Южной Индии». После пары решила зайти в туалет, причесать свои волосы, которые уже успели подсохнуть, и отправилась в буфет. Почти все столики были заняты, стоял гул, отчего я немного потерялась. Взяв пончик и кофе, села у окна.

– Привет, мам. Да, лекции закончились. Да, очень интересно. Грустный голос? Нет, все хорошо, просто немного чувствую себя не в своей тарелке. Что делаю? В буфете. Да, спасибо. Пока, – я даже не спросила, как дела у мамы... Перезвонить? Может, позже. Я ненавидела свой характер: сейчас осуществилось всё, о чем я только могла мечтать, но почему кошки скребут на душе? Не понимаю, неужели, когда мечты сбываются, нужно чувствовать себя так? Печально, что, когда приезжаешь в новое место, ты берешь с собой себя, а не того человека, который был в твоей голове. Мне казалось, что я еще более несчастная сейчас, чем была до академии.

– Привет, – Макс смотрел на меня сверху вниз. – Ты чего скучаешь?

– Привет, – я очнулась от своих мыслей, – нет, всё хорошо. Просто задумалась над внеклассными занятиями.

– Уже решила, что выберешь?

– Еще нет, а ты?

– Думаю, танцы. И, может, актерское мастерство, – он присел.

– Отлично, – я улыбнулась, – хотя вокал – тоже вещь нужная.

– Но ты и так поешь, как профи, – он показал палец вверх.

– Чего не скажешь о танцах, я совсем не умею танцевать, – я закатила глаза наверх.

– Тогда выбирай танцы, я дам тебе пару частных уроков, бесплатно, – он засмеялся.

– Какая щедрость! А зачем тебе танцы, ты же танцуешь, как профи, – передразнила я его.

– Нет предела совершенству, – сказал он и перевел взгляд со стаканчика кофе на меня. – Завтра утром нам с тобой нужно быть в деканате до пар. Меня просили тебе передать, я думаю, это как-то связано с тем, что мы уже закончили музыкальную школу.

– Да, но многие уже закончили ее из первокурсников-новичков, почему вызывают именно нас? – я пожалала плечами.

– Ну, завтра узнаем, – наступило неловкое молчание. – Ух, на улице просто адский дождь.

– Это точно.

– Давай я подвезу тебя.

– Нет, спасибо. Я еще в библиотеку пойду. Хочу взять пару книг для доклада – я опустила глаза. На самом деле, я просто ужасно стеснялась ехать с ним вместе, это как-то неправильно, ведь я его так мало знаю.

– Как я мог заметить сегодня утром, у тебя даже нет зон-  
та, – Макс засмеялся.

– Есть, конечно, – я покраснела.

– А вот и нет, – он хлопнул меня по плечу, как старого  
приятеля, – давай обменяемся номерами на всякий случай.

– Давай, – Макс сел ближе, отчего я покраснела еще боль-  
ше.

– Будем на связи, тебя точно не нужно подбросить? – он  
встал.

– Точно, абсолютно.

Хотя я совсем не собиралась идти в библиотеку, но луч-  
шей лжи я не могла придумать. Дождь всё не прекращался,  
и я решила всё-таки обзавестись чтивом.

Библиотека находилась на первом этаже и была полностью  
из дерева. Полки для книг были высоченные, с лестницами,  
читальный зал со светильниками, мягкими диванами и ком-  
пьютерами. Я уточнила, где могу найти книги по индийско-  
му искусству и направилась к самым дальним стеллажам.

– Сколько же тут книг, – прошептала я сама себе. Через  
час я выбрала четыре увесистые книги, которые кое-как уме-  
щались в руках.

– Ой, – в меня кто-то врезался, и я пришла в себя, уже  
лёжа на полу.

– Ты что, совсем ослепла? – я подняла глаза и увидела  
Адама, который стоял напротив, его ноздри были раздуты от  
злости.

– Что? – только и смогла я из себя выдавить.

– Ты что, не смотришь, куда идешь? – он кричал, отчего в тихой библиотеке слова казались раскатами грома.

– Ты сам сбил меня с ног, – я так и сидела на полу, а он смотрел на меня сверху вниз.

– Что ты сделала! – он показал разбитый экран телефона, – Знаешь, сколько он стоит?

Я поднялась и стала разглядывать телефон у него в руке. Телефон был и, правда, не из дешевых, с большим экраном.

– Но это ты налетел на меня, – я стала собирать книги, мое тело одолела дрожь, – я очень спешу...

Он схватил меня за руку.

– Отпусти, – я пыталась вырваться.

– Знаешь, ты же не хочешь иметь такого врага, как я? – он осмотрел меня с ног до головы. – Денег с тебя я точно не дожусь. Достаточно будет, если ты извинишься передо мной, тебе ясно?

Он смотрел на меня, как на общественный туалет в парке, который все ненавидят и считают мерзким, но вынуждены взаимодействовать с ним.

– Почему бы тебе не извиниться передо мной? – я выдержала свою руку, которую всё это время он больно сжимал.

– Что? – на его красивом лице отразился гнев, хотя он оставался спокойным, глаза, которые смотрели на меня, были холодными, я не могла больше выдерживать этот взгляд на себе – черные глаза прожигали насквозь, я часто дышала.

– Не подходи больше ко мне, – неожиданно для самой себя, мой голос прозвучал, уверенно и свирепо.

После этого я положила книги, которые так долго выбирала, на стол в читальном зале. Одевшись, я выбежала на улицу, как будто за мной гналась стая церберов. Ледяной дождь хлестал по моему лицу, но я этого не замечала, сердце так бешено стучало, и кровь так бегала по жилам, что мне было душно.

–Эй, девушка, – консьержка уже шла за мной, я поняла, что пробежала мимо нее,– Пропуск!

Я стала рыться в сумке, где его и обнаружила.

– Еще раз пройдешь, не показав пропуск,– она посмотрела моё имя в документе,– Анна! Пойдешь ночевать в гостиницу. После этих слов она удалилась.

Я вбежала в свою комнату и только сейчас поняла, как промокла. Вода стекала, оставляя за мной лужи. Я скинула с себя всю одежду, даже нижнее белье было мокрое, поэтому я сняла и его тоже. Зеркало, которое висело напротив, отразило моё тело: я даже не заметила, как похудела. Как мне завтра идти туда? Он всё расскажет своим друзьям, и они все будут издеваться надо мной, неужели я такая жалкая и ничего не стою? Слезы брызнули из глаз, и я, голая, рыдала на кровати. Время от времени я жалела себя и ненавидела одновременно. Кто-то при стрессе начинает поглощать еду, кто-то пить алкоголь, а вот я начинаю жалеть себя.

Остаток дня я писала доклад, используя интернет-ресур-

сы, так как все книги остались в библиотеке. Доклад получился хорошим, многое я написала своими словами и высказала свое личное мнение: «Итак, звуковое наполнение современной Индии связано с многоликой уп-шастрия, породившей множество родственных жанров и типов музыки не только в самом регионе...» Когда я закончила, время уже перевалило за полночь. Написание доклада немного меня успокоило, и я налила себе кружку чая, заваренного из пакетика, который был привезен еще из дома. Я так и не зашла в магазин, и кушать у меня было совсем нечего, а пончик, который я съела в буфете, мой желудок уже переварил давным-давно, оказывается, уснуть на голодный желудок не так-то просто.

Прозвенел будильник. Я открыла глаза и увидела серое небо. Дождь не прекращался всю ночь. Завтракать было нечем. Собрав волосы в пучок, я надела белую вязаную кофту и ждала, когда нужно будет выйти. Иногда времени не хватает, а иногда оно тянется, как будто специально. Как бы не встретиться с ним? Просто не буду выходить из кабинета и – всё! Не пойду в буфет. Пора. Зонт я так и не купила, но дождь уже капал еле-еле, когда я вышла на улицу, так что вымокла я на «троечку».

Пара начиналась только в десять двадцать, но в деканат было сказано прийти в половине девятого утра. Я дернула за ручку. Закрыто. В коридоре на первом этаже было пусто и тихо, только два охранника переговаривались на посту. Вскоре я заметила Макса, он шел и махал мне с улыбкой.

– Привет, -он снял шапку,- давно ждешь?

–Привет, нет. Вот, только пришла, -я снова почувствовала стеснение.

– Как доклад? – спросил Макс, поправляя портфель.

– Отлично, отлично!

– Книги уже сдала обратно в библиотеку?

– Что? – мой мозг не сразу переварил вопрос,- А, да-да.

Уже сдала.

Наконец, появилась женщина в голубом костюме.

–Доброе утро, ребята! Проходите, садитесь.

Мы вошли в ее кабинет и сели напротив стола, на котором стояла большая ваза конфет. В моем желудке сразу заурчало, ведь последнее, что я съела, был вышеупомянутый пончик.

– Так, Анна Туманова и Максим Елец, – она села на стул, оббитый бархатом. – Четверо из десяти первокурсников на бюджетных местах закончили музыкальную школу, но только вы двое закончили ее с отличием.

Она задержала на нас взгляд.

– Мы с директором считаем, что вам обоим нечего делать на первом курсе, – при этом она жестикулировала руками, как в бразильских сериалах, -и предлагаем перейти вам сразу на второй. Конечно, нужно будет кое-что досдать, но, я думаю, вы справитесь с этим. Какие будут вопросы?

Мы сидели, как ошпаренные! Перейти сразу на второй курс, это же просто немыслимо!

– Это здорово! – завопил Макс, – мы можем сразу участ-

воват вo всех постановках!

– Да, верно,– продолжила она.– Сегодня вам нужно будет взять «бегунки» и сдать некоторые дисциплины в течение месяца, параллельно вы уже перейдете в новую группу.

– С второкурсниками? – спросила я, опасаясь, что попаду в океан с акулами.

– Ну, конечно. Работы много, я вас не принуждаю, вы можете проучиться три с половиной года, как положено. Дело за вами! – она смотрела на меня, не отрываясь, и я поспешила реабилитироваться.

– Нет, я не так выразилась, -я улыбнулась во весь рот. -Просто это так неожиданно, и я почти никого не знаю здесь...

– Анна, дорогая! У нас все ребята очень хорошие, замечательные и талантливые. Прямо, как вы, -она опять посмотрела на нас. – Вы оба такие молодые, красивые, и еще не до конца раскрытые, как свежие цветы. На отборе вы двое не вызвали у нас сомнений. Вы нас сразу убедили, что тот уровень подготовки, который есть у вас, как раз для нашей чудной академии, – она сделала паузу. – Ребята, которые учатся на первом курсе, не участвуют в театральных постановках для публики, они еще только учатся. Конечно, они готовят номера для сдачи экзаменов, для родственников, которые приезжают посмотреть на своих чад в родительский день, для студентов.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.